

АЛЕНА БЕЛОЗЕРСКАЯ

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА

ИЗУМРУДНЫЙ
ШИФР

Опасные связи

Алёна Белозерская
Изумрудный шифр

«ЭКСМО»

2010

Белозерская А.

Изумрудный шифр / А. Белозерская — «Эксмо»,
2010 — (Опасные связи)

ISBN 978-5-699-76480-8

Получив в подарок от своего опекуна кардинала Армандо Альбицци роскошное бриллиантовое кольцо, Луиза Фернанда очень скоро поняла: теперь ее жизнь превратилась в бегство от... смерти. Четырех друзей девушки, также щедро одаренных кардиналом, убили одного за другим. Чуть позже настал черед и самого Армандо. Луиза второй раз осталась круглой сиротой. А виновники всех ее страшных потерь – драгоценные камни, отмеченные какими-то таинственными цифрами. Возможно, это шифр, но, чтобы разгадать его, надо заполучить все камни, в том числе и те, которые теперь находятся в руках убийц. Ранее роман Алены Белозерской «Изумрудный шифр» выходил под названием «Бриллиантовый код смерти», под псевдонимом Алена Винтер.

ISBN 978-5-699-76480-8

© Белозерская А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	33
Часть вторая	41
Глава 6	41
Глава 7	42
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алёна Белозерская

Изумрудный шифр

© Белозерская А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Часть первая

Глава 1

Рим

Солнце играло в стройных кипарисах, яркими искрами рассыпалось в холодных брызгах величественного фонтана, находящегося у входа в кардинальский дворец, и заставляло зажмуривать глаза, спасаясь от безжалостных лучей. Оно словно показывало, что является господином этого жаркого апрельского дня, и люди, признающие его господство, смиренно прятались в тени, дожидаясь того момента, когда оно насытится своим величием и уступит место долгожданной прохладе. Казалось, весь мир замер, удивленный шалостями непредсказуемой погоды, и время остановилось, оглушенное непривычной тишиной полуденного зноя.

Лишь один человек в черной сутане, подвязанной алым поясом, не замечал бегущего за ним проказливого солнца и быстро шагал по горячим каменным плитам широкой галереи. Он задумчиво смотрел перед собой, не обращая внимания на сопровождающего его молодого священника, который тяжело дышал от быстрой ходьбы. Легкая сутана священника, насквозь промокшая от пота, прилипала к разгоряченному телу, заставляя раздраженно передергивать плечами и мечтать о холодном душе. Он восхищенно поглядывал на немолодого человека, идущего рядом, которого абсолютно не беспокоила непереносимая жара, настолько глубоко он был погружен в свои мысли. Войдя во дворец, священник с облегчением выдохнул, потому что комнаты освежили прохладой, и его спутник наконец замедлил свой шаг.

– Вижу, отец Джорджио, я вас совершенно измучил.

Молодой священник неловко улыбнулся, соглашаясь со сказанным, но природная вежливость и уважение к сану говорящего не позволили ему отразить в своих словах какое-либо недовольство.

– Что вы, ваше высокопреосвященство! – Он смиренно улыбнулся, однако глаза при этом лукаво заблестели. – Боюсь, что в моем сорванном дыхании виновны моя непростительная физическая неподготовленность и немилосердное солнце.

– Да, вы правы, Джорджио, – с некоторой отстраненностью согласился его спутник, не замечая просквозившей в словах иронии, – апрель в этом году выдался на редкость жарким.

Они молча шли по парадным коридорам, украшенным гобеленами и полотнами известных художников. Молодой священник ошеломленно оглядывался по сторонам, забыв о данном себе накануне обещании сохранять невозмутимость и спокойствие. Но всякий раз, находясь во дворце кардинала Маринетти, все внутренне замирало от открывающегося взору великолепия, словно созданного для того, чтобы изумлять гостей своим богатством и изящностью.

Он шел по многочисленным залам, разглядывая убранство комнат, и ловил себя на мысли о том, что, украшая свою жизнь подобным богатством, кардинал Маринетти нарушал данный им обет бедности. Несчастный юнец не понимал, что эти мужчины, намеренно лишившие себя радостей жизни, отдав душу и тело служению Господу, так же, как и остальные люди, не лишены чувства прекрасного, а вместе с ним некоторого тщеславия. И, окружая себя роскошью, они всего лишь пытаются возместить утрату того, что дано им природой, но что они никогда не смогут вкусить и тем более испытать. Священник понимал это и все же, будучи молодым и неопытным, внутренне возмущался. В то же время он испытывал искренний восторг. Это заставляло краснеть и смущаться своих мыслей.

Бросив быстрый взгляд на сосредоточенное лицо своего наставника, отец Джорджио нахмурился. Он чувствовал, что кардинал чем-то обеспокоен, хотя это никоим образом не отражалось в его лице или речи. Альбицци, как всегда, был вежлив и сдержан. Однако, про-

работав долгое время рядом с ним, Джорджио научился угадывать малейшие изменения в его настроении, и сейчас все указывало на то, что кардинал встревожен. Смуглое лицо казалось застывшей маской, руки сжаты в кулаки, обычно аккуратно причесанные волосы сейчас падали на глаза. Джорджио не осмелился спросить кардинала о причинах его волнения. Он тихо шел рядом, незаметно наблюдая за своим господином и раздумывая над тем, что его тревожит. Навстречу вышел монах. Он почтительно преклонил колени и поцеловал перстень на руке кардинала.

– Ваше высокопреосвященство, кардинал Маринетти ждет вас, – вежливо сказал он, склонив голову.

– Спасибо, отец Лоренцо. Будьте любезны позаботиться о моем помощнике.

– Разумеется, ваше высокопреосвященство.

Отец Джорджио обрадовался тому, что ему не придется встречаться с кардиналом Маринетти, в присутствии которого он всегда чувствовал себя мелкой плотвой, по недоразумению заплывшей во владения могущественной акулы. Кардинал Маринетти никогда не выказывал свое преимущество перед остальными, он всегда был любезен в общении. И тем не менее ощущение холодности и безразличия не покидало Джорджио, когда на него смотрели яркие голубые глаза сего служителя господня.

Отец Лоренцо открыл дверь в покои и пропустил кардинала Альбицци внутрь. Затем повернулся к молодому священнику и весело улыбнулся, словно догадавшись, о чем тот думает.

– Идемте в кухню, отец Джорджио, – он вытянул руку вперед, указывая дорогу. – Чувствую, вам понадобится литр лимонада, чтобы восстановить силы.

Джорджио кивнул, вытер рукой влажный лоб и быстро направился вслед за толстым монахом, с ужасом думая, как тот выдерживает подобную жару.

– Перестаньте смотреть на меня такими огромными глазами, – вдруг засмеялся монах.

– Как вы догадались? Вы же не видите моего лица! – смутился Джорджио.

– Ваш взгляд жжет мне спину, заставляя потеть еще больше.

* * *

Кардинал Маринетти сидел в кресле у окна, задумчиво вглядываясь в сад. Ровные дорожки, проложенные вдоль аккуратных газонов, и яркие краски высаженных цветов успокаивали его. Но все же где-то внутри он чувствовал нервное возбуждение, оставшееся после звонка Альбицци. Поспешность, с которой Армандо назначил встречу, заставила его испытать непонятное беспокойство. Кроме того, он чувствовал, что повод будет весомым, потому что Армандо никогда не беспокоил его по пустякам.

Маринетти пригладил жидкие седые волосы и прошелся по комнате. Он любил свой кабинет за особую атмосферу умиротворенности и в то же время величия, которые наполняли душу чувством единения с историей и давали ощущение безграничной власти. Бордовые стены, изящная французская мебель, вытканные шелковыми нитями гобелены ласкали взгляд, недвусмысленно говоря о пристрастиях и вкусах своего хозяина. Маринетти знал, что его чрезмерная любовь к роскоши и комфорту вызывает разговоры в кулуарах Ватикана, но это мало его трогало. Древний аристократический род, к которому он принадлежал, наделил его такими качествами, как тщеславие и честолюбие, умело скрывающимися за маской великодушия и искренности. А также абсолютным безразличием к мнению большинства.

Он посмотрел на висевший над камином портрет своего предка, принадлежащий кисти великого живописца. Далекий предок, как и Маринетти, в свое время был кардиналом, и все видевшие этот портрет наблюдали поразительное сходство между ними. Яркие голубые глаза зорко смотрели на своего потомка, ироничная улыбка играла на тонких губах, а длинные свет-

лые волосы падали на плечи, создавая удивительный цветовой контраст с темным одеянием. Маринетти с любопытством вгляделся в изображение своего предка, чувствуя, как между ними протягивается нить таинственности и понимания. Но мистическая связь с портретом была прервана вошедшим в кабинет Альбицци.

– Армандо, – вместо приветствия выдал из себя Маринетти.

Словно высеченная из камня фигура кардинала Альбицци абсолютно не вписывалась в изящную атмосферу этой комнаты. Маринетти посмотрел в лицо человека, которое своей простотой подходило скорее простолюдину, чем столь высокому сановнику, и мгновенно напрягся. Беспокойство снова накрыло его.

– В чем причина сей поспешности? – быстро спросил он. – Мне пришлось отложить важную встречу.

Он постучал тонкими пальцами по столу, всем видом показывая, что ему не нравится сложившаяся ситуация.

Кардинал Альбицци подошел к столику и взял стакан лимонада, но через мгновение поставил его обратно.

– Дино, я хотел бы выпить что-нибудь покрепче.

Маринетти направился к высокому темному шкафу, бурча на ходу:

– Дино-Бернардино, ты прекрасно знаешь, что я не люблю, когда меня так называют. Но что с тобой? – Маринетти повысил голос, и нижняя губа его при этом мелко задрожала. – Виски? Граппа?

– Виски. – Армандо Альбицци тяжело опустился в мягкое кресло.

Взяв из рук друга бокал с щедрой порцией алкоголя, он одним махом выпил содержимое. Маринетти стоял напротив и ожидал продолжения разговора, беспокойно вглядываясь в смуглое лицо. Армандо молча протянул сложенную вдвое газету.

– Читай.

– Но... – непонимающе протянул Маринетти и замолчал, увидев заголовок на первой странице.

Он дважды прочитал написанное и недоуменно посмотрел на Альбицци. Тот продолжал молчать. Маринетти положил газету на стол и потер внезапно похолодевшие руки.

– Когда ты узнал об этом?

– Два часа назад.

Маринетти обошел стол и подошел к окну.

– Бернардо, ты понимаешь серьезность произошедшего?

Маринетти резко обернулся к своему собеседнику и, сощуриив глаза, медленно произнес:

– Армандо, я не вижу в этом ничего страшного для нас.

Альбицци стремительно вскочил, схватил со стола газету и потряс ею перед изящным носом кардинала.

– Ты считаешь это глупой шуткой?! – прогремел он. – Мы имеем несколько счетов с общей суммой почти в пятьсот миллионов долларов...

– Говори тише, – прошипел Маринетти.

Он налил себе виски. Пятьсот миллионов долларов! В голове застучало от мысли, что они являются обладателями подобного богатства.

– Почти двадцать пять лет, – услышал он позади себя голос Армандо, – мы отмывали...

Маринетти стукнул кулаком по хрупкому шкафу, заставив недовольно зазвенеть стоящие в нем бокалы.

– Управляли капиталами, – поправил он Альбицци.

– Изволь, – Армандо саркастически рассмеялся. – Если тебе угодно, то пусть будет так. Хотя это не меняет смысла сказанного. Почти двадцать пять лет мы управляли капиталами двух мафиозных кланов...

– Уважаемых семей, – снова поправил Маринетти. – Когда ты научишься выбирать слова? Альбицци медленно подошел к худенькому человеку и посмотрел на него сверху вниз.

– Двадцать пять лет мы отмывали деньги мафии, – тихо, но уверенно сказал он. – И теперь они перебили друг друга, оставив после себя огромные счета, о которых известно только нам. Я хотел бы услышать предложение, как нам следует поступить с этими деньгами.

Маринетти прокашлялся. Он постарался придать лицу спокойное выражение, надеясь, что это усыпит бдительность его подозрительного друга. Почти четверть века они, великие сановники, образцы честности и благопристойности, отмывали деньги мафии. Двадцать пять лет, прожитые в обмане, воровстве, страхе быть разоблаченными. Неужели случившееся не является достойным завершением того, что они делали все это время? Это поистине великий дар, своеобразная плата за их труды. Маринетти чувствовал легкую дрожь в пальцах, ярко представляя себе, что эти деньги могут украсить его и без того прекрасную жизнь. С ними он сможет подняться так высоко, как не удавалось никому из его предков. Мысли стремительно летали в голове, и он начисто забыл об Армандо, который внимательно за ним наблюдал.

Бернардо являлся великолепным актером, хитрым и жестоким. Он умело манипулировал другими людьми, заставляя их верить в то, чего не было на самом деле. И все же иногда его алчность брала верх над самообладанием. Тогда он становился похожим на открытую книгу, по страницам которой можно было прочесть все, о чем он думает. Казалось, что кардинал Маринетти обдумывает правильный выход из сложившейся ситуации. Но Армандо видел, что руки его нервно дотрагиваются до алого пояса, а губы упрямо сжимаются, указывая на то, что он уже принял важное решение и не намерен от него отступить.

Наконец Маринетти очнулся от своих мыслей и мягко посмотрел на сидящего в кресле огромного человека. По губам его пробежала нежная улыбка, и он вытянул руки вперед, предлагая другу подняться. Армандо коснулся тонких холодных пальцев и понял, что Бернардо вынес ему приговор.

– Пусть деньги лежат на своих счетах. Нам обоим необходимо время, чтобы решить, как лучше с ними поступить, – тихо произнес Маринетти.

* * *

Позже Армандо закрылся в своем кабинете, приказав никому его не беспокоить. Он не был напуган, лишь опечален и зол. Что бы ни говорил Бернардо, как бы уверенно и убедительно ни звучали его слова, Армандо знал, что это очередная ложь, усыпляющая бдительность. Да что и говорить, люди совершали глупости и за меньшие деньги, а тут на кону стоят пятьсот миллионов! Армандо медленно потер крупный подбородок, задумчиво глядя перед собой. Его цепкий ум искал способы обезопасить себя от действий Маринетти.

Безграничная печаль накрыла Альбицци, он обхватил голову руками и тихо застонал. Легче всего принять предательство от врага своего, но нет ничего страшнее, чем быть поверженным другом. Армандо открыл глаза и огляделся вокруг, сердце гулко застучало. Он распрямил плечи, потянулся вперед, взял со стола серебряную рамку с фотографией и странно улыбнулся, проведя пальцами по стеклу.

* * *

Спустя три недели после разговора с кардиналом Маринетти, Армандо Альбицци сидел в небольшом кабинете и с любопытством осматривался вокруг. Кардинал любил порядок, и образцовая чистота комнаты немного подняла настроение. Все предметы были расставлены в определенном порядке, что говорило об аккуратности и некоторой педантичности человека, работающего здесь. На столе в особой последовательности лежали лупы разного размера, пин-

цеты, щипцы. Рядом на полке стояли маленькие весы, а в углу под лампами находилось изящное бюро, несколько не вписывающееся в общую атмосферу. Завершал обстановку высокий дубовый шкаф с множеством выдвижных ящиков.

В комнату вошел мужчина хрупкого телосложения. Он был одет в чистый голубой халат, на руках были перчатки. Мужчина протянул кардиналу большую бархатную коробку. Его узкое лицо, спрятанное за оправой огромных очков, гордо засветилось, когда он увидел, что кардинал остался доволен работой. Альбицци едва заметно улыбнулся, глядя на мягко мерцающие драгоценные камни.

– Бог мне поможет, – уверенно произнес он и вытянул руку вперед, к которой незамедлительно и с особым благоговением приложился худенький человек.

Глава 2

Луиза Фернанда нехотя открыла глаза и, посмотрев на часы, тихо выругалась. Она решила себе отдохнуть несколько минут, а в итоге заснула на три часа. Если бы настойчивый звонок телефона не разбудил ее, она проспала бы еще дольше. Все еще сонная, она подошла к сумочке и вынула из нее уже замолчавший телефон. Два пропущенных звонка и три сообщения. Луиза Фернанда усмехнулась, увидев имя человека, который так настойчиво добивался общения с ней, и решила не отвечать, чтобы избежать расспросов о том, что она делает в Риме.

Когда Луиза Фернанда приезжала в Рим, а это случалось не часто, она всегда останавливалась в небольшом отеле, находящемся недалеко от моста Сикста. По-домашнему уютная и тихая атмосфера гостиницы приводила в восторг ее неугомонную натуру. Она вспоминала светлые коридоры приюта, в котором когда-то жила, и временами чувствовала, что время повернулось вспять, возвращая ее в спокойное и безмятежное детство. Луиза Фернанда любила Рим. Да и как можно не любить город, с которым было связано столько теплых воспоминаний? И все же, по каким-то необъяснимым причинам, старалась как можно реже бывать в нем.

Луиза Фернанда быстро надела легкое платье и, посмотрев на часы, прикинула, сколько времени ей понадобится, чтобы добраться до дворца кардинала. Затем спустилась вниз и выписалась из отеля, решив, что уедет из города сразу же после встречи с Армандо. Луизу Фернанду сильно удивил его вчерашний звонок, и она, ощущая внутри странное беспокойство, появившееся после разговора, немедленно выехала в Рим.

Луиза Фернанда перешла улицу и направилась к киоску, в котором делали самую лучшую «граниту» в городе. Она недовольно сморщила носик, заметив, что возле киоска выстроилась длинная очередь, и отчитала себя за то, что не вышла из отеля немного раньше. Времени до встречи оставалось совсем мало, и Луиза Фернанда, волнуясь, поглядывала на часы. Но, несмотря на то, что могла опоздать, не желала уходить, не отведав «граниты». Зазвонил телефон. На этот раз Луиза Фернанда решила ответить.

– Привет, Эдуардо, – сказала она.

– Что случилось, Фернанда? – быстро спросил мужчина. – Почему не отвечаешь на звонки?

– Потому что не слышала и потому что была занята.

– Чем была занята? Где ты вообще находишься?

Вопросы стремительно сыпались на нее, и она замерла на минутку, придумывая, что лучше сказать в ответ.

– Дома, где же еще? – солгала она.

– Врешь, я стою у твоей двери и звоню. Слышишь звонок? – В трубке действительно раздалась тихая трель. – Мне никто не открывает.

Луиза Фернанда засмеялась.

– Ты меня раскусил. Да, я не дома.

– Где же тогда? Ты в Милане?

– Конечно же, я в Милане, – быстро ответила она и двинула в бок мужика, стоящего перед ней, который громко фыркнул, услышав последнюю фразу.

– Чем ты занята? У тебя встреча с Николасом? – допытывался мужчина.

– Эдуардо! – заметно нервничая, выкрикнула она. – Какая тебе разница?

– Ладно, извини. Я просто волнуюсь, – обиженно зазвучал голос. – Перезвони мне, когда освободишься.

И прежде чем Луиза Фернанда успела что-либо ответить, в трубке замолчали. Она пожалела, что так бурно отреагировала на эти простые вопросы, но говорить о том, где она находится, ей почему-то не хотелось. Подслушивающий разговор мужик все еще продолжал ухмы-

ляться, чем очень злил Луизу Фернанду. Она гневно отвернулась, решив не обращать на него внимания. Очередь двигалась медленно, а времени до встречи оставалось все меньше и меньше, поэтому девушка с огорчением вздохнула и побежала к машине.

* * *

– Здравствуйте, отец Джорджио.

– Добрый вечер, Луиза Фернанда, – внимательно оглядев молодую женщину, улыбнулся Джорджио. – Я вижу, что вы решили всех во дворце смутить своим фривольным нарядом.

– Возможно! Но только не вас.

Луиза Фернанда поправила платье и перевела взгляд на свои загорелые ноги, обутые в легкие сандалии. Отец Джорджио также оценил их стройность и невольно покраснел.

– Вы опустили взгляд из-за благочестия или для того, чтобы посмотреть на мои очаровательные коленки? – невинным голосом поинтересовалась Луиза Фернанда.

Замешательство священника доставляло ей удовольствие. Она никогда не упускала случая сказать что-нибудь непристойное и увидеть зардевшиеся от смущения щеки. Молодой отец Джорджио предпочитал отмалчиваться, чем подзадоривал Луизу Фернанду еще больше.

Несмотря на долгие годы, проведенные в стенах католического приюта, годы, в течение которых Луизу Фернанду пытались научить соблюдать предписания религии, внести в ее жизнь веру и сделать благопристойной прихожанкой, все наставления прошли мимо. Из всего, чему ее обучали, в памяти остались только молитвы, которые она помнила наизусть, и имена некоторых библейских персонажей, наиболее сильно ее впечатливших. Луиза Фернанда недовольно нахмурилась, потому что поняла, что в последнее время слишком часто возвращается в детство. Она уже забыла о своем намерении привести отца Джорджио в волнение неприличными вопросами, зато отец Джорджио был несказанно обрадован задумчивостью девушки, что позволяло украдкой разглядывать ее. Она казалась маленькой и хрупкой, и из всех воспитанников кардинала была ему наиболее симпатична. Конечно же, ее вспыльчивость и непредсказуемость иногда пугали, но в то же время восхищали, потому что девушка была открыта и искренна в проявлении чувств. Светло-карие глаза Луизы Ферланды всегда искрились задором, а губы улыбались. Наверное, у нее никогда не бывало плохого настроения. Счастливая молодость!

Отец Джорджио был так увлечен своими мыслями, что даже не заметил, как произнес последнюю фразу вслух.

– Что вы сказали? – удивленно спросила Луиза Фернанда. – «Счастливая молодость»? Это вы о себе?

– Я, видимо, превращаюсь в старика, раз начинаю говорить вслух, – улыбнулся священник.

– Бросьте, Джорджио. Сколько вам лет? Двадцать семь?

– Почти угадали. Двадцать шесть, как и вам.

– А что еще вам известно о моей персоне? – с иронией спросила Луиза Фернанда.

Отец Джорджио спокойно посмотрел на нее и предпочел не отвечать.

Они шли по длинной светлой галерее, украшенной цветами и белыми статуями. Луиза Фернанда остановилась у небольшой арки, ведущей в сад, и с какой-то непонятной тоской в глазах замерла, разглядывая аккуратные фруктовые деревья и цветочные клумбы. Это было ее самое любимое место на территории дворца.

Несмотря на то, что время близилось к вечеру, воздух был все еще жарким. Но от сада исходила легкая прохлада, наполненная сладкими запахами цветущего мая, что вызывало особые ощущения. Отец Джорджио видел, как подрагивают изящные ноздри его спутницы, и улыбался, чувствуя, как она наполняется спокойствием и умиротворением. Он легко дотронулся

до ее руки, показывая, что им пора идти. Луиза Фернанда восторгалась и тряхнула светлыми волосами.

– Вы такой нетерпеливый, отец Джорджио, – тихо произнесла она, в который раз за последние несколько минут заставив его покраснеть.

У кабинета кардинала он с облегчением попрощался с Луизой Фернандой и направился в часовню молиться. Джорджио чувствовал, что его мужское начало дало о себе знать, и устыдился мыслей, вызванных близостью красивой женщины.

* * *

Кардинал Альбицци крепко прижал к себе Луизу Фернанду. Молодая женщина уткнулась лицом в широкую грудь и потерлась щекой о гладкую поверхность шелковой сутаны. Сейчас она жалела о том, что редко приезжала к человеку, так много дававшему ей в жизни. Его отцовская любовь и понимание как ничто другое поддерживали в трудные моменты, а крепкие объятия говорили об особой нежности, которую он к ней испытывал.

– Дитя мое, – тихо сказал кардинал и, отодвинув девушку от себя, ласково посмотрел в смущенные глаза.

– Здравствуй, Армандо, – наконец проговорила она, ощущая, как стыдливо горят щеки.

Кардинал негромко засмеялся и усадил ее на мягкий диван.

– С детства не могу приучить тебя обращаться ко мне, как подобает моему кардинальскому сану. – Он поправил прядь светлых волос, упавшую на ее щеку. – Ты голодна?

Луиза Фернанда отрицательно покачала головой.

– И все же не отказывайся поужинать со мной.

– Тогда, пожалуйста, попроси, чтобы ужин подали сюда. У меня нет желания переходить в столовую. Кроме того, мне в ней все время кажется, что вот-вот откроется дверь и войдет какой-нибудь кардинал или, еще того хуже, сам папа римский. Тогда мне придется залезть под стол, потому что я абсолютно не знаю, как вести себя в обществе этих благородных господ.

Армандо засмеялся и похлопал ее по руке.

– Плутовка, ты прекрасно знаешь, как поступать в подобных ситуациях.

– Но здесь нам будет гораздо уютнее, – продолжала настаивать Луиза Фернанда. – В этой комнате я забываю, что нахожусь в самом сердце могущественной церкви.

Она быстро оглядела небольшой по размерам кабинет. Простая недорогая мебель, светлые абрикосовые стены, стеллажи с книгами, никаких изысков и украшений. Комната отражала характер кардинала: она была открытой, мягкой и уютной. Но, несмотря на простоту и неприязнательность, воздух в ней был пропитан властью и могуществом. Именно таким, сотканным из противоречий, и был кардинал Альбицци. Доброе простодушное лицо всегда излучало искренность и радушие. Мощная фигура с большими руками, не имеющая ни малейших признаков изящества, выдавала крестьянское происхождение. В Армандо чувствовалась негибкая сила воли и твердость духа. И не было ни одного человека, который с уверенностью мог сказать, что имеет на него влияние.

Кардинал подошел к телефону и попросил, чтобы подали ужин.

– Как ты, девочка моя? – мягко спросил он. – От тебя так давно не было известий, что я начал беспокоиться.

Луиза Фернанда беззаботно ответила:

– Все хорошо.

– Бог милостив, – тихо произнес Армандо.

– Прости меня за то, что долго не приезжала. – Луиза Фернанда виновато опустила глаза.

– Господь простит. Но больше не забывай о старом Армандо.

За окном вступал в свои права вечер, и заходящее солнце приятно золотило воздух, окрашивая комнату в теплые тона. Лицо Луизы Фернанды нежно светилось в его прощальных лучах, и кардинал с удовольствием смотрел на свою воспитанницу, отмечая, что она слишком быстро из угловатой и неуклюжей девочки превратилась в красивую женщину. Казалось, еще совсем недавно Луиза Фернанда бегала за ним, хватаясь за сутану и не желая отпускать от себя. Но прошло совсем немного времени, его маленькая девочка выросла и больше не нуждалась в опеке старого наставника.

Луиза Фернанда подошла к столу и взяла в руки фотографию в массивной серебряной рамке. Четверо подростков, одетые в школьную форму, обнимали Армандо Альбицци. На фото его волосы казались иссиня-черными, а лицо молодым и веселым. Луиза Фернанда перевела взгляд на кардинала и увидела, как по его лицу мелкой сеточкой разбежались усталые морщинки, а глаза уже потеряли яркий и задорный блеск, который она так любила.

– Столько лет прошло, – с нежностью и некоторой печалью произнесла она, – а ты до сих пор хранишь ее.

– Конечно, – кардинал взял фотографию в руки. – Это часть моего прошлого. Я был счастлив в те минуты. А хранить приятные воспоминания в сердце, дитя мое, доставляет большое удовольствие.

– Мне здесь около десяти, а остальным по тринадцать. – Луиза Фернанда прищурила глаза, пристально вглядевшись в фото, и весело рассмеялась. – Смотри, у Эдуардо подбит глаз.

– В тот день они с Максом подрались. Видишь, у того немного припухшая щека. Насколько я помню, ссора разгорелась из-за Глории.

Луиза Фернанда с некоторой горечью посмотрела на него.

– Глория была самой красивой девочкой в школе. Мальчишки готовы были на Луну слезать, лишь бы ей понравиться.

– А ты ревновала, – усмехнулся кардинал и поставил фотографию на место.

– Конечно! На меня-то никто не обращал внимания.

– Но тебе же было только десять! – воскликнул Армандо. – Как в такие годы можно думать о том, обращают на тебя внимание мальчишки или нет?

– Женщины в любом возрасте мечтают нравиться, – парировала Луиза Фернанда, нисколько не смущаясь обсуждать такие темы с духовным лицом.

В дверь постучали, и вслед за разрешением войти в комнату появился отец Джорджо. Он вкатил за собой тележку с ужином, быстро сервировал стол и тихо удалился, бросив на Луизу Фернанду смущенный взгляд. Кардинал простодушно рассмеялся, поняв, что девушка не упустила случая испробовать силу своего остроумия на молодом священнике.

Армандо отодвинул перед Луизой Фернандой стул, помогая присесть, и весь ужин ухаживал за ней, накладывая в тарелку еду и подливая вино. В разговорах Луиза Фернанда не заметила, как быстро бежит время. Они вспоминали веселые моменты из прошлого, но ничего не говорили о настоящем и планах на будущее.

– Знаешь, я всегда удивлялась, почему меня называли таким именем.

Армандо налил себе минеральной воды. В этот вечер он не пил спиртное, предпочитая оставить голову ясной, потому что близился главный момент их встречи, для чего он, собственно, и вызвал девочку к себе.

– Да, более неподходящего имени для светловолосой малышки трудно было представить. Марисса хотела, чтобы ты была Луизой. Это имя очень подходит твоему нежному внешнему виду. Но Хорхе был прав, когда назвал тебя Фернандой, это имя отражает твой строптивый характер.

Луиза Фернанда положила себе еще немного салата и, посмотрев в тарелку, осторожно спросила:

– До сих пор спрашиваю себя: если мои родители были испанцами и жили в Мадриде, то почему после их гибели я оказалась в Риме?

Армандо дотронулся до руки Луизы Фернанды. Раньше они избегали разговоров о ее семье, потому что в такие минуты она становилась растерянной и беспокойной. Но сейчас Луиза Фернанда сама подняла эту тему, заставив Армандо искать подходящие слова, чтобы не испугать ее.

– Твоя мама просила, чтобы я позаботился о тебе, если с ней что-нибудь случится, – медленно произнес Армандо и пристально посмотрел в глаза своей воспитанницы.

Он постарался придать своим словам максимум убедительности, но Луиза Фернанда почувствовала некоторую неестественность в его голосе. Это насторожило ее. Она опустила взгляд и постаралась не заострять внимания на своих ощущениях.

– Почему я блондинка? Я же испанка, и мои волосы должны быть темными. Ты часто видел испанских женщин с такими волосами, как у меня?

– Марисса была светловолосой, и ты на нее очень похожа.

– Ты хорошо знал моих родителей?

Армандо покачал головой и сложил приборы, закончив ужин.

– Мы не общались близко. Но я знаю, что твоя мама была потрясающей женщиной, мудрой и очень красивой.

Луиза Фернанда сделала глоток вина и пробормотала:

– Я ничего не помню о ней, и об отце тоже. Мне было четыре, когда они погибли, и какие-то воспоминания должны были сохраниться. Однако все, что осталось у меня в памяти, – это большой дом и вода. Когда я вспоминаю воду, почему-то становится не по себе и начинает бить озноб. – Она усмехнулась. – Я до сих пор не могу входить в море без дрожи.

Принесли кофе, и они на некоторое время замолчали, думая каждый о своем. Луиза Фернанда пыталась восстановить в памяти большой и красивый дом с солнечной террасой. А Армандо вспоминал тот день, когда на пороге его кабинета появился Николас, держащий на руках испуганную светловолосую малышку.

– Пожалуй, – услышал Армандо веселый возглас, – мне стоит переселиться жить к тебе. Здесь варят потрясающий кофе, и я думаю, что нельзя упускать возможность наслаждаться им каждый день.

– Тогда тебе придется направить свою жизнь в другое русло.

– Стать монахиней? – Она удивленно подняла брови и тут же покачала головой: – Ну, нет уж! В таком случае предпочитаю обходиться без кофе!

Армандо подошел к столу и вынул из верхнего ящика небольшую бархатную коробку. Он протянул ее Луизе Фернанде.

– Подарок, – улыбнулся он и ласково поцеловал ее в раскрасневшуюся щеку.

Луиза Фернанда с детским восторгом открыла коробку и замерла от восхищения. На черной подушечке лежало бриллиантовое кольцо. Тонкие переплетения нитей из белого золота завораживали изяществом линий. Бриллианты разных размеров имели безупречную огранку, притягивая взгляд к кристальной чистоте. Она провела пальцами по камням, в которых играл свет от горящих ламп, и, широко раскрыв глаза, посмотрела на довольного произведенным впечатлением Армандо.

– Ваше высокопреосвященство...

– О! – рассмеялся он. – Надо было дарить тебе дорогие подарки, начиная с детства. Тогда ты запомнила бы, как ко мне следует обращаться.

– Армандо, оно прекрасно! – Луиза Фернанда порывисто обняла кардинала за плечи, но он отодвинулся и странно посмотрел на нее.

– Дитя мое, никому не говори об этом подарке.

Эта странная просьба заставила Луизу Фернанду нахмуриться, и радостное ощущение от преподнесенного сюрприза начало угасать.

– Почему ты не хочешь, чтобы кто-то знал?

Армандо улыбнулся и сел в кресло.

– Пусть это будет наша маленькая тайна.

– Разве у священников могут быть секреты? – Луиза Фернанда положила коробку с колье на стол и присела на корточки перед кардиналом.

– Секреты есть у всех, даже у таких людей, как я. Люди не могут жить без них. Наверняка и у тебя они есть. Не так ли?

Луиза Фернанда смело встретила его испытующий и немного лукавый взгляд, но внутри все похолодело от страха.

– Нет, я честна перед тобой, – уверенно солгала она, и глаза ее при этом были искренними и простодушными.

– И ничего не хочешь мне рассказать? – продолжал допытываться Армандо, испытывая внутреннюю печаль.

Он многое знал о жизни своей любимицы и корил себя за то, что позволил ей вести подобный образ жизни. Да, он был виноват перед Луизой Фернандой, но ничего не мог поделать, так как пообещал не вмешиваться. Армандо дал слово в тот день, когда Николас принес девочку к нему, навсегда изменив ее жизнь.

– Отвечу на любой вопрос, – Луиза Фернанда поднялась и улыбнулась. – У меня нет от тебя тайн.

Она знала, что будет врать, и старалась казаться спокойной. Но Армандо ни о чем не стал расспрашивать, только снова повторил просьбу о том, что никто не должен знать о подарке.

– Что за глупости!

– В таком случае считай, что это не подарок. Я просто прошу тебя сохранить это колье. Это моя тайна. Сохрани ее.

– Я ничего не понимаю.

Армандо подошел к ней и погладил по голове. В его глазах было столько любви и сожаления, что Луиза Фернанда мгновенно напряглась и быстро прижалась к его груди.

– Будь осторожна, – внезапно сказал Армандо, не выпуская ее из объятий.

– Что случилось? Чего я должна опасаться?

– Это просто совет, дитя мое. Я хочу, чтобы ты была внимательна и осторожна.

– Ваше высокопреосвященство... – Луиза Фернанда взяла руку кардинала, поцеловала кольцо, и глаза ее вдруг стали веселыми. – Армандо, я обещаю тебе, что буду осмотрительной.

Кардинал Альбицци откинул голову назад и громко засмеялся. Смех его был таким искренним и счастливым, что Луизе Фернанде на мгновение показалось, будто они вернулись в дни ее детства.

Глава 3

Милан

Луиза Фернанда вошла в кафе и с удовлетворением для себя отметила, что ее любимый столик не занят. Она заказала себе эспresso и долго смотрела в окно, вспоминая свою встречу с кардиналом. Ей казалось странным, что Армандо пригласил ее к себе только для того, чтобы сделать этот неожиданный подарок, который и подарком нельзя назвать. Скорее это была вещь, данная на хранение. А последнее замечание по поводу осмотрительности и вовсе заставило Луизу Фернанду насторожиться. Она чувствовала какую-то тайну или, по крайней мере, недосказанность, что не давало покоя и вызывало подозрения. Сразу же после встречи с Альбицци Луиза Фернанда выехала в Милан, потому что у нее не было желания еще на одну ночь оставаться в городе, который рождал в ней чувство тревоги и одиночества. Она никому не сообщила о своем возвращении, впрочем, никто и не знал о том, что она куда-либо уезжала. Поэтому весь последующий день она отсыпалась, без интереса смотрела телевизор и пристально рассматривала кольцо, подаренное Армандо.

Наутро, решив отвлечь себя от беспокойных мыслей, она прошла по магазинам, сделав массу бесполезных покупок, и сейчас сидела в кафе, наслаждаясь тишиной и вкусом потрясающего эспresso.

Кафе постепенно стало наполняться. Сначала, увидев такой наплыв студентов, Луиза Фернанда захотела уйти, но легкая и непринужденная атмосфера, царящая в зале, принесла успокоение и расслабила. С ней даже несколько раз пытались познакомиться, однако Луиза Фернанда мило улыбалась и никого не приглашала к себе за столик, делая вид, что ждет друзей.

Безусловно, удлинённые андалусские глаза и светлые вьющиеся волосы привлекали внимание большинства молодых мужчин, находящихся в зале. Они посылали призывные улыбки, чем крайне ее забавляли. Итальянские мужчины слишком игривы и легкомысленны, считала Луиза Фернанда. Несмотря на то, что она всю свою жизнь прожила в Италии и темперамент ее был таким же жарким и непредсказуемым, как итальянское солнце, она все же считала себя настоящей испанкой – страстной, искренней и глубокой в проявлении чувств. Тем более что кардинал Альбицци всегда подчеркивал ее происхождение, заставляя учить историю родной страны и язык. Да и Николас никогда не давал забыть, что в ней течет кровь великого и гордого народа.

При воспоминании о Николасе Луиза Фернанда восторгалась и стала лихорадочно подыскивать оправдание своему отсутствию. Если остальных ей удастся обмануть без труда, то с Николасом придется сложнее, потому что этот старый дьявол всегда чувствовал, когда она врёт, а когда говорит правду. Николас Рискони был другом кардинала Альбицци и в данный момент являлся человеком, от которого многое зависело в жизни Луизы Фернанды. Невысокий и моложавый на вид, с потрясающе красивыми карими глазами, он вызывал в ней смешанные чувства. Луиза Фернанда испытывала к нему теплоту и нежность, которые можно питать только к близким людям. Но также внутри неизменно возникал страх, когда она смотрела в его холодное лицо. Она часто задавала себе вопрос, что может связывать такого человека, как Николас, с Армандо Альбицци. Даже если это дружба, то как она могла возникнуть между этими абсолютно разными людьми?

Луиза Фернанда заказала себе еще кофе и громко вздохнула, потому что в ее голове было множество вопросов, на которые она не могла найти ответов.

– Луиза Фернанда Альворадо! – раздался громкий возглас, и спустя секунду рядом с ней появился молодой человек.

Свободных стульев не было, поэтому он подошел к соседнему столику, за которым веселилась большая компания. Бесцеремонно поднял какую-то девушку с ее места и, благодарно

поцеловав в лоб, усадил на колени к сидящему рядом парню. Девушка рассмеялась и хлопнула его чуть ниже спины. Луиза Фернанда усмехнулась, потому что это наверняка были его друзья, иначе он никогда не осмелился бы так нахально себя вести. Тем временем молодой человек уселся рядом и бросил в ее сторону театрально-влюбленный взгляд. Луиза Фернанда улыбнулась. Парень напомнил ей персонажа комедии дель арте: коренастый, черноволосый, с курносом и широким, никогда не закрывающимся из-за болтливости ртом.

– Маркус, дай мне побыть одной, – сказала Луиза Фернанда, заранее зная, что ее просьба останется невыполненной.

– Как можно быть одной в месте, где находится столько людей? – трогательно округлил глаза Маркус и тут же громко спросил, чтобы было слышно за соседними столиками: – Соскучилась по мне?

Луиза Фернанда рассмеялась.

– Ну, скажи что-нибудь, – попросил он, – мои акции повышаются!

– Успокойся, биржевой маклер, и ответь мне, почему ты не на работе? – серьезно спросила она.

– У меня выходной, – объявил Маркус и прищурился. – Контролировать вздумала?

Луиза Фернанда отрицательно покачала головой и сделала глоток кофе. Маркус, как и все ее друзья, был сиротой. Их дружба началась в приюте, в котором оба воспитывались. Сейчас Маркус учился на юридическом факультете, что вызывало особую гордость у его подруги. Сама Луиза Фернанда закончила только католическую школу. Желания получить высшее образование у нее не было. Но, будучи любознательной и пытливым по природе, она много занималась самостоятельно. Ей было это интересно. И, самое главное, ее никто не контролировал, она сама устанавливала себе правила.

Луиза Фернанда прекрасно осознавала, как тяжело человеку, не имея денег и помощи со стороны, пробиться в жизни. Тем более таким людям, как они с Маркусом, у которых, кроме них самих, не было ничего. Поэтому она всегда старалась помочь. Но гордый паренек не хотел полностью зависеть от ее денег и поэтому находил для себя работу. «По крайней мере, имея собственный заработок, – говорил он, – я не буду ощущать себя полным жиголом».

– Что с тобой? – озабоченно спросил Маркус. – Ты какая-то хмурая.

Луиза Фернанда неопределенно пожала плечами.

– Тебе показалось, – ответила она. – У меня прекрасное настроение. Поэтому не приставай ко мне с глупыми вопросами!

– У-у! – выдохнул Маркус. – Слушай, а где ты была позавчера? Я приходил, тебя не было дома.

– А позвонить не догадался?

– Но ты же сама назначила встречу! – воскликнул Маркус.

– Правда? – Луиза Фернанда недоуменно посмотрела на него.

– Кристально чистая правда, – закивал головой Маркус. – Эй, ты куда?

Луиза Фернанда встала и достала из сумки кошелек, но тут же положила его обратно.

– Заплатишь за кофе, – сказала она. – И завтра после работы придешь ко мне домой.

– Завтра я работаю и поздно освобожусь, давай лучше сегодня, – попросил Маркус и смешно подвигал бровями.

– Сегодня не могу. Глория пригласила к себе на ужин.

– Красотка Глория, – мечтательно произнес Маркус. – А почему меня никто не пригласил?

– Потому что тебе там нечего делать, – с уверенностью ответила Луиза Фернанда и подставила щеку для поцелуя.

– А кто там будет? – поинтересовался Маркус и быстро коснулся ее губами.

– Все. Не забудь. Завтра после работы.

Луиза Фернанда взъерошила ему волосы и направилась к выходу.

– Конечно, крошка! – крикнул вслед Маркус. – Завтра вечером у тебя!

Он схватил стул и подсел к сидящей за соседним столиком шумной компании. Быстро пересадил к себе на колени девушку, у которой этот же стул и был отобран, и весело спросил:

– Как вам моя цыпочка?

– Это ты обо мне? – засмеялась девушка.

– Ты не цыпочка, ты – королева! – выдал он под громкий смех молодых людей.

* * *

Луиза Фернанда открыла бутылку белого вина, наполнила бокал и опустилась на диван. Она долго сидела в гостиной, прислушиваясь к тишине и пытаясь понять причину охватившего ее волнения. Несмотря на то, что в ее жизни не предвиделось изменений, странное предвчувствие перемен, которые вот-вот должны были произойти, не давало ей покоя. Луиза Фернанда направилась в ванную. Теплая вода успокоила и расслабила. Ей захотелось провести этот вечер за чтением книги, удобно устроившись на диване. Но сегодня Глория позвала всех к себе на ужин, и отказаться Луиза Фернанда не могла. Одно радовало, что Глория жила на соседней улице, и ей не придется, как Эдуардо и Макс, ехать через весь город, а также задерживаться в пробках, которые неминуемо образуются в это время дня на дорогах.

Квартиру, в которой сейчас жила Луиза Фернанда, помогла найти Глория. Она находилась на третьем этаже пятиэтажного дома и некогда являлась частью огромных апартаментов, занимавших весь этаж. Несколько лет назад предприимчивый хозяин разделил эти апартаменты на две части, превратив в две квартиры. Та, в которой жила Луиза Фернанда, состояла из двух спален, гостиной и крохотной кухни. Впрочем, Луиза Фернанда не горевала по поводу размеров своей кухоньки, так как готовить она не любила и обедать предпочитала в небольших ресторанчиках, которых в Милане, к ее большой радости, имелось великое множество.

Луиза Фернанда обожала свою маленькую квартирку, окна которой выходили на зеленый и тихий парк. Но главным ее достоинством была ванная, казавшаяся неправдоподобно огромной в сравнении с остальными комнатами. Отказавшись от предложения Глории пригласить архитектора, чтобы тот помог оформить интерьер, Луиза Фернанда с детской радостью принялась самостоятельно украшать свой дом. Она не любила новомодные дизайнерские проекты, которые, как ей казалось, лишают дом жизни и превращают в холодный музей. Такие дома, думала она, не дышат, в них нет души своего хозяина, они слишком оригинальны и вычурны, лишены уюта и искренности. При этом Луиза Фернанда ставила в пример квартиру Глории, являющуюся плодом труда двух знаменитых миланских архитекторов. В ней все было продумано до мелочей, начиная от цветовой гаммы, заканчивая тонкой бронзовой статуэткой, которая должна стоять в строго определенном месте. При таком раскладе, смеялась Луиза Фернанда, сама Глория превращалась в деталь изящного и модного интерьера.

Квартира Луизы Фернанды напоминала собой комнату подростка – разноцветные стены, украшенные фотографиями городов, где она была или где хотела побывать, большой оранжевый диван, множество декоративных подушек разных размеров, толстый пушистый ковер, на который было приятно становиться босыми ногами. Но больше всего удивляло содержимое книжных полок, где наряду с серьезными книгами по психологии, истории искусства, юриспруденции и многотомными энциклопедиями соседствовали «шедевры» любовной литературы в мягких обложках, а также бюстик папы римского, служащий опорой для романтической открытки. Главной страстью Луизы Фернанды были куклы и плюшевые медведи. Она не могла пройти мимо витрины магазина, сквозь стекло которой ей улыбалось фарфоровое личико нежной куклы, или не засмеяться от восторга, держа в руках мягкого медвежонка. Лишенная бога-

того на игрушки детства, сейчас она восполняла утраченное, покупая себе многочисленные подарки.

Луиза Фернанда сделала глоток вина и посмотрела на часы. Было достаточно времени, чтобы подготовиться к ужину, поэтому она решила еще немного побаловать себя и понежиться в теплой воде. Внезапно она напряглась, услышав непонятные шорохи в гостиной, и через мгновение поняла, что в квартире, кроме нее, есть кто-то еще. Она накинула на себя тонкий шелковый халат, который тут же пропитался влагой, и оглянулась вокруг в поисках тяжелого предмета. Не обнаружив ничего подходящего, Луиза Фернанда прислонилась к стене, чувствуя, как неистово бьется сердце. И тут ее взгляд упал на пузатые аромасвечи. Взяв три самые увесистые из них, она неслышно вышла из ванной и метнула одной свечой в человека, забравшегося к ней в дом. Луиза Фернанда понимала, что поступает опрометчиво, обнаруживая свое присутствие. Но в то же время ей негде было прятаться, поэтому она начала наступление. Если повезет, она доберется до двери и, выбежав, поднимет тревогу.

– Фернанда! С ума сошла, что ли? – раздался возмущенный голос.

– Эдуардо, идиот! Ты меня до смерти напугал!

Луиза Фернанда, недолго думая, метнула второй свечой, метко попав мужчине в плечо. Он охнул от боли и изумленно посмотрел на нее.

– Ты что делаешь? – со злостью спросил он, поглаживая ушибленное плечо, и, увидев, что она собирается использовать третий снаряд, выставил руки вперед, защищая себя от толстой свечки.

Луиза Фернанда рассмеялась, глядя в уже испуганное лицо. Легко подбросила свечу вверх и, тут же поймав, мгновенно метнула в Эдуардо. Мужчина быстро увернулся, бросился вперед и схватил девушку за плечи.

– Сумасшедшая, – хрипло прошептал он, с силой проведя руками по ее спине.

Луиза Фернанда отстранилась, но он властно прижал ее к стене и просунул руку под мокрую ткань халата. Его поцелуи были жесткими и требовательными. Луиза Фернанда, охваченная страстью, отвечала ему не менее пылко. Эдуардо легко поднял ее на руки и понес в спальню. Одним движением руки он сбросил многочисленных мишек, сидящих на кровати, и повалил на нее Луизу Фернанду, лихорадочно расстегивающую пуговицы на его рубашке.

* * *

– Когда ты избавишься от этих уродцев? – спросил он, подкинув вверх симпатичного медведя. – Каждый раз, находясь в их обществе, чувствую себя старым развратником. Да и ты уже давно перешагнула возраст Лолиты.

Луиза Фернанда поднялась с постели и громко сказала:

– Это моя квартира. И если тебя в ней что-то не устраивает, можешь здесь больше не появляться!

Эдуардо рассмеялся, но тут же замолчал, поняв, что девушка не шутит. Потянувшись вперед, он дотронулся пальцами до изящного колена и медленно провел рукой по бедру. Луиза Фернанда сделала шаг назад и улыбнулась.

– Когда ты сердишься, – тихо сказал Эдуардо, – то становишься похожей на ту маленькую девочку, какой была в детстве.

Он подошел к ней и крепко обнял.

– Зато ты никогда не напоминаешь мне того очаровательного мальчишку, каким я тебя узнала, – прошептала она.

– Врешь! – смеясь, воскликнул Эдуардо. – Я остался таким же обаятельным, симпатичным и славным.

– И таким же самовлюбленным, – добавила Луиза Фернанда, хлопнув его по плечу. – Одевайся, красавчик, иначе мы опоздаем на ужин к Глории.

Эдуардо медленно подобрал с пола рубашку, и Луиза Фернанда невольно залюбовалась игрой мышц на его спине. Она наблюдала за тем, как он одевается, и вспоминала, как в детстве страстно мечтала о нем. Эдуардо нравился женщинам. Уже в приюте у него была масса поклонниц, в число которых входила и Луиза Фернанда. Но в то время центром его желаний была Глория.

– Что с тобой? – спросил Эдуардо.

Он надел пиджак и посмотрел на притихшую Луизу Фернанду. Она задумчиво скользнула взглядом по элегантной фигуре и поинтересовалась:

– Как ты вошел в мою квартиру? У тебя же нет ключей.

На красиво очерченных губах заиграла усмешка и, поняв ее значение, Луиза Фернанда зло процедила:

– Не смей больше так поступать. Оставь инструменты для работы.

Она гневно отвернулась и подошла к зеркалу.

– Выбери мне платье, – уже спокойно попросила Луиза Фернанда и стала расчесывать спутанные волосы.

Эдуардо со знанием дела перебирал наряды в шкафу, что вызвало у нее смех.

– Нечего смеяться, – ответил Эдуардо и подал ярко-красное короткое платье.

– Мне просто любопытно, где ты научился разбираться в тонкостях моды? И которая из любовниц смогла привить тебе хороший вкус?

– Не буду отвечать на глупые вопросы, – Эдуардо забрал расческу из ее рук. – Где ты была несколько дней назад?

Он не спускал глаз с лица Луизы Фернанды, желая увидеть реакцию на свой вопрос.

– Ты слишком любопытный.

Луиза Фернанда надела платье и посмотрела на себя в зеркало. В красном она, как всегда, была чертовски хороша. Впрочем, не было ни одного цвета, который не подходил к ее загорелой коже.

– Скорее я слишком влюблен, – тихо произнес Эдуардо и провел рукой по светлым волосам. – Может, у тебя появился другой мужчина?

– Езжай к Глории, ревнивец, – усмехнулась Луиза Фернанда. – Нам не стоит появляться вместе.

– Фернанда, меня раздражает то, что ты решила скрывать наши отношения. Объясни, почему мы никому не можем сказать о том, что встречаемся?

– Но ты ведь знаешь, как на это отреагирует Николас.

– Плевал я на Николаса, – раздраженно бросил Эдуардо. – Почти два года мы конспирируем, как маленькие дети. Прячемся от всех, лишь бы злой дядя Николас не узнал. Да и что он, собственно, сделает, если мы откроемся?

Эдуардо гневно прошелся по комнате и пнул ногой ни в чем не повинного медведя. Луиза Фернанда вздохнула. С одной стороны, она понимала, что нежелание рассказывать кому-либо об их встречах выглядело по-детски смешным. С другой – она с легкостью могла представить реакцию Николаса, когда тот узнает, что они с Эдуардо являются любовниками. Она уже сейчас почувствовала его гнев и сжалась от страха. Заметив, каким растерянным стало лицо девушки, Эдуардо печально усмехнулся.

– Ну, не тревожься, – сказал наконец он и прижал Луизу Фернанду к себе. – Я знаю, что Николас может быть очень жестоким. Но он не господин бог, чтобы вмешиваться в жизни людей. Мы полностью подчиняемся ему в работе, но наша личная жизнь ему неподвластна.

Луиза Фернанда утвердительно кивнула и тут же прошептала:

– Но мы все равно никому не скажем о нас. По крайней мере, не сейчас.

– Тогда уговори меня молчать, – так же шепотом ответил Эдуардо и расстегнул молнию на ее платье.

– Мы же опаздываем, – засмеялась Луиза Фернанда, помогая ему снять пиджак.

* * *

– Глория, перестань вести себя как светская львица, – недовольно протянула Луиза Фернанда, пытаясь устроиться на неудобном диване. – Выхаживаешь передо мной, как хозяйка великосветского салона. И вообще, где остальные?

Приехав к Глории, Луиза Фернанда удивилась, обнаружив, что Макс и Эдуардо еще не появились. И если Макс мог задержаться в дороге, то с Эдуардо они расстались полчаса назад. Он уже давно должен был быть на месте.

– Луиза, – мягко проговорила Глория, – не нервничай. Да, наши мужчины опаздывают, как барышни, но это не повод, чтобы злиться. Или у тебя что-то случилось и поэтому ты такая взвинченная?

– Во-первых, мне не нравится, что вы все зовете меня по-разному. Мое имя – Луиза Фернанда. И я не люблю, когда меня зовут Фернандой, Луизой или еще того хуже Лу. Меня это раздражает! Во-вторых, я ненавижу, когда люди опаздывают. Время встречи назначают именно для того, чтобы все собрались вовремя. В-третьих, я голодна до такой степени, что если ты не дашь мне бутерброд или еще что-нибудь, я встану и уйду ужинать в первый попавшийся ресторан. И, в-четвертых, твой ужасный диван сводит меня с ума. Он создан какими-то садистами, которые сейчас сидят в мягких удобных креслах и смеются над ненормальными вроде тебя, купившими этот «дизайнерский шедевр».

Глория, откинув голову назад, залиvisto рассмеялась.

– Ты невыносима! – воскликнула она. – Кардинал Альбицци был прав, сказав, что ты – сущее наказание господне.

– А ты, по всей видимости, милость божья! – Луиза Фернанда ехидно посмотрела на веселящуюся Глорию. – И когда же, интересно, Армандо сказал это?

– В нашу последнюю встречу.

– Вы недавно виделись?

– Нет, мы встречались несколько месяцев назад. Почему спрашиваешь? Ведь ты прекрасно знаешь, когда я ездила к кардиналу.

Ее голубые глаза ласково засветились, и Луиза Фернанда поняла, что Глория врет. Возможно, другой человек и не заметил бы, но только не Луиза Фернанда. Будучи сама опытной лгуньей, она прекрасно знала обо всех уловках, созданных для того, чтобы ввести в заблуждение. Плавность речи, мягкость тона и неподдельное удивление в голосе говорили, что Глория искренна. Но едва заметная пауза перед ответом и неловкий жест рукой сказали, что Глория не была готова к вопросу.

– Глория, – начала Луиза Фернанда, собираясь продолжить допрос, потому что ей была непонятна причина этой лжи, но раздался звонок.

Глория, мило улыбнувшись и, как показалось Луизе Фернанде, облегченно вздохнув, направилась к двери. Луиза Фернанда поняла, что момент упущен и Глория больше не даст ей вернуться к этому разговору. Она выругалась про себя и, сбросив босоножки, забралась с ногами на неудобный диван. Взяв с журнального столика фотографию Глории, она вгляделась в прекрасное лицо подруги. Черные струящиеся волосы, голубые глаза, ослепительная улыбка – Глория была потрясающе красива. И все же мастер не смог уловить самое главное. Это была картинка с застывшей улыбающейся женщиной, но она ничего не стоила в сравнении с настоящей нежной Глорией.

У входной двери послышался громкий смех, и через минуту в гостиной появился Макс, держащий в руках два больших пакета.

– Привет, красавица моя, – быстро сказал он, подставив щеку для поцелуя.

Луиза Фернанда улыбнулась и поправила его взъерошенные волосы.

– Не порти мой внешний вид!

– Тебя ничем не испортишь, – ответила Луиза Фернанда.

– Конечно, – низко рассмеялся вошедший Эдуардо, – природа так усердно поработала над Максом, что его нельзя ни испортить, ни приукрасить.

– Согласен, что не все рождаются красавцами. – Макс поставил пакеты на пол. – Однако каждый при желании может стать таковым. Спроси хотя бы Глорию о том, сколько она сделала пластических операций.

– Не делала я никаких операций! – возмутилась Глория.

– Хочешь сказать, что твоя грудь настоящая? – усмехнулся Макс. – Тогда раздевайся и докажи нам!

Луиза Фернанда оторопело уставилась на улыбающуюся Глорию.

– Не хочешь? – не унимался Макс. – Продолжим. Я помню, что в детстве мочки твоих ушей были другой формы, да и талия стала намного тоньше.

– О чем вы говорите? – Луиза Фернанда повысила голос, но ее никто не услышал.

– Признавайся. – Эдуардо потер руки. – Сколько?

– Три, – моргнула Глория и засмеялась.

– Что?! Вранье! – Макс прищурил глаза и жестами показал, что ждет продолжения.

– Как же я вас ненавижу. – Глория продолжала улыбаться. – Семь. Нос, уши, подбородок и еще кое-что.

Мужчины громко рассмеялись.

– А ты думала, – обратился к Луизе Фернанде Макс, – что наша Глория настоящая? О, нет, дорогая, у нашей красавицы еще много тайн, которые она не раскроет даже под страхом смерти.

Луиза Фернанда посмотрела в некрасивое лицо Макса и стукнула его в острое плечо.

– Вы меня разыгрываете. – Она обвела всех взглядом. – Нет? О господи, есть ли еще что-нибудь, что вы от меня скрываете?

В комнате на мгновение повисло напряженное молчание, и тут же раздался веселый смех. Луиза Фернанда неуверенно улыбнулась.

– Все. Закончили смеяться, – хлопнула в ладоши Глория. – Пора ужинать. Луиза уже давно проголодалась. Ой, прошу прощения. Внимание! Отныне никаких Луиз и Фернанд, только Луиза Фернанда! Я, кстати, уже выслушала нотацию по поводу того, что мы все зовем Луизу Фернанду по-разному. Поэтому с этого момента только полное имя. А теперь – ужинать!

За столом Луиза Фернанда молчала, не вмешиваясь в оживленную беседу, но никто, казалось, не замечал ее непривычно тихого поведения. Всем было весело, но Луиза Фернанда чувствовала какую-то напряженность и видела, что веселье напускное. Она смотрела в смеющиеся лица и думала, что друзья разыгрывают перед ней пьесу, в которой для нее нет места. Все реплики были разобраны, а ей досталась роль зрителя, не совсем понимающего, что именно происходит на сцене. Глория беззаботно смеялась, но глаза ее беспокойно блеснули в свете свечей. Всегда добродушный и мягкий Макс сегодня был язвительным и злобным. А Эдуардо порывисто жестикулировал и демонстрировал прекрасное настроение, которое явно не соответствовало действительности. Луиза Фернанда передернула плечами и стала убеждать себя в излишней подозрительности. Но все же покоя не давали театральный смех, каким могут смеяться только очень хорошие актеры, и нервозность, царящая в комнате.

Луиза Фернанда налила еще вина и мысленно предупредила себя, что это уже четвертый бокал.

– Ты где? – крикнул Эдуардо, и Луиза Фернанда от неожиданности подпрыгнула на стуле. Она со злостью посмотрела на него и замахнулась салфеткой.

– Не кричи! Я все прекрасно слышу.

Эдуардо, извиняясь, улыбнулся и забрал у нее из рук бокал.

– Ты слишком много пьешь, – сказал он и быстро переключил внимание на остальных. – Так вот, в детстве я мечтал быть кинозвездой, ездить на «Феррари» и встречаться с пышногрудыми и длинноногими брюнетками.

Он многозначительно посмотрел на Глорию, и Луиза Фернанда ощутила, как внутри все закипело от ревности и гнева.

– Зато теперь едешь на «Порше» и спишь с блондинками, – насмешливо произнес Макс.

– У тебя появилась новая подружка? – спросила Глория.

– Просто секс, – подмигнул ей Эдуардо, и этот ответ неприятно уколол Луизу Фернанду. – Но это неинтересно. Глория, а кем ты хотела быть?

– О! Точно не могу сказать, потому что я о многом мечтала. И о том, чтобы быть врачом и дизайнером, и даже оперной певицей.

– С твоим-то голосом? – засмеявшись, уточнил Макс. – А я однозначно хотел стать комиссаром полиции.

– А в итоге мы – воры! – громко подвела итог Луиза Фернанда и обвела всех ехидным взглядом. – Ну что же вы замолчали? Я не сказала ни слова неправды. Мы – воры! Не стоило мечтать о чистом и великом, потому что судьбе было угодно превратить нас в людей абсолютно иного сорта, нежели все остальные.

– И сейчас ты стыдишь нас за аморальное поведение? – спросил Эдуардо.

Он встал из-за стола и, подойдя к Луизе Фернанде сзади, обхватил руками ее шею. Макс и Глория внимательно наблюдали за действиями Эдуардо, потому что тот был слегка пьян и к тому же зол, а в таком состоянии он мог наделать много глупостей. Конечно же, он не посмел бы причинить Луизе Фернанде боль, но подобное поведение могло привести к очередной ссоре.

– Мы сами сделали свой выбор. Как и ты, любовь моя. Никто не заставлял тебя становиться воровкой, – медленно проговорил он, нежно глядя ее шею. – И что ты имела в виду, когда говорила о людях «абсолютно иного сорта»?

Глория подошла к Эдуардо и дотронулась до его плеча, но он отбросил ее руку. Тогда она резко повернула его к себе и властно сказала:

– Немедленно сядь на место. Что с тобой случилось? Почему так реагируешь на слова Луизы? Ведь она абсолютно права. Мы – иные, не такие, как все.

Эдуардо саркастически поинтересовался:

– Чем же мы отличаемся от остальных? У нас лишняя пара ушей или три ноги?

– Не утрируй, – оборвала его Глория. – Ты прекрасно понимаешь, что она имела в виду.

– С каких пор, – Макс обратился к Луизе Фернанде, – ты стала задумываться о моральных аспектах нашей деятельности?

– А ты об этом никогда не думал?

Макс со скучающим видом осмотрел комнату и ответил:

– Пустые разговоры. Мы все равно не можем выйти из игры.

– Блестящее отношение к волнующему нас вопросу, – похлопала в ладоши Луиза Фернанда.

– Этот вопрос волнует только тебя, – заметил Эдуардо и подлил себе вина. – Ты портишь всем настроение.

Он вызывающе посмотрел на нее и улыбнулся, предполагая, что беседа на этом не закончится.

– Не разговоры портят тебе настроение, – Луиза Фернанда решила не обманывать его ожидания, – а осознание того, что мы являемся отбросами общества. Да, дорогой, именно это

тебя бесит. Как бы мы ни наводили на себя лоск, как бы ни украшали себя, мы все равно останемся отбросами, гнилыми внутри, пусть и красивыми снаружи.

– Говори за себя, – произнес Эдуардо, и его ноздри стали белыми от едва сдерживаемого гнева.

– А я и говорю за себя. Это мое личное мнение. И даже то, что вы думаете по-другому, ничего не изменит в моих мыслях.

– Луиза, ты перегибаешь палку, – взмахнул рукой Макс.

– Но почему же? Я всего лишь честно говорю то, о чем думаю! Это вы лицемерите, ставя себя на одну ступень с остальными людьми.

– Мы не единственные аморальные личности в этом мире, – усмехнулась Глория.

– Тогда хотя бы не делайте вид, что мы поступаем правильно! Если бы мы честно жили, то у тебя, Глория, никогда не было бы такой шикарной квартиры. А ты, Макс не имел бы такого количества дорогостоящих часов. Кстати, твои новые часики великолепны. Чем они инкрустированы? Сапфирами? – язвительно поинтересовалась Луиза Фернанда.

– У тебя предменструальный синдром? – улыбнулся Макс и опустил руку вниз, пряча часы. – Твой необоснованный гнев настораживает.

Луиза Фернанда вышла из-за стола и с недовольным видом села на диван, понимая, что разговор ни к чему не привел, но тут же быстро повернулась к Эдуардо и едко проговорила:

– А тебе я искренне желаю раздолбать свой новенький «Порше»!

Эдуардо подскочил к ней и стремительно прижал к себе. Луиза Фернанда яростно отбивалась, но он силой соединил ее руки за спиной и повалил на диван.

– Глория! Макс! Уберите этого идиота.

– Сами разбирайтесь, – смеясь, сказал Макс и направился в кухню, чтобы помочь Глории варить кофе.

– Предатели! Вы будете наказаны за свое коварство. Как бы я хотела, чтобы вас не было! – выкрикнула Луиза Фернанда и укусила Эдуардо за плечо.

Тот быстро отпустил ее.

– Дикая кошка, – прошипел он и так, чтобы никто не слышал, добавил: – Я тебе отомщу.

Он жадно посмотрел на ее губы и, схватив за руку, вытолкнул из комнаты.

– Ты с ума сошел, – выдохнула Луиза Фернанда. – Они же все поймут.

– Не имеет значения.

– Имеет! – Луиза Фернанда резко отстранилась и поправила волосы. – Я не хочу, чтобы Глория и Макс знали о нас.

– Эй! Любовнички! – послышался веселый голос Макса из кухни. – Кофе готов!

Луиза Фернанда округлила глаза.

– Ты рассказал?

– Клянусь, что ни словом не обмолвился о наших отношениях. Они ни о чем не подозревают, просто смеются над нами.

– Впрочем, о каких отношениях идет речь? У нас всего лишь секс.

Луиза Фернанда нагло улыбнулась Эдуардо в лицо, ожидая, что он начнет оправдываться. Но, к ее удивлению, он ничего не ответил, лишь поцеловал девушку в шею и вышел из комнаты.

Луиза Фернанда оторопело посмотрела ему вслед, чувствуя, как гнев и обида наполняют собой все внутри.

* * *

– Что с тобой случилось? – спросила Глория. – Ты вела себя грубо и нагло. Знаешь, я огорчена твоим поведением.

Макс и Эдуардо недавно уехали, а Луиза Фернанда решила задержаться у Глории, потому что не хотела возвращаться в свою пустую квартиру. Сегодня она ощущала себя как никогда одинокой, и ужин еще больше усилил это чувство.

– Моим поведением? Это я крайне опечалена вами. Что вы от меня скрываете? Вы казались нервными и встревоженными. Я сорвалась только потому, что не понимала причин вашей обеспокоенности!

– Но все в порядке. Мы были такими же, как и всегда.

Луиза Фернанда недовольно сложила руки перед собой и отвернулась.

– Глория, – спросила она подругу, – ты когда-нибудь думала о том, чтобы все бросить и уехать?

Глория прикурила сигарету.

– Бросить что? – усмехнулась она. – Квартиру? Милан? Николаса? Конечно, я думала об этом.

Она налила вино в бокалы и один протянула Луизе Фернанде.

– Ты просто думала об этом или хотела уехать? – допытывалась Луиза Фернанда.

– Луиза, мы работаем не в фирме, где можно подать заявление об увольнении и спокойно искать другую работу. Мы слишком много знаем. Неужели ты думаешь, что Николас легко отпустит тебя только потому, что ты решила больше никогда не воровать?

Луиза Фернанда поцеловала Глорию в щеку и поднялась с дивана.

– Мне все равно, что предпримет Николас. Я ухожу и собираюсь сказать ему об этом как можно раньше.

Глория взяла Луизу Фернанду за руку и притянула к себе, упершись лицом ей в живот.

– Не торопись, – мягко попросила она, – надо все обдумать. Мы не должны ошибиться, иначе... – лицо Глории было спокойным, но глаза лихорадочно блеснули. – Нам необходимо время, чтобы решить, как правильно поступить.

Луиза Фернанда кивнула и направилась к двери.

– Не садись за руль. – Глория озабоченно посмотрела на нее. – Давай лучше я вызову такси.

– Нет, – отмахнулась Луиза Фернанда. – Пройдусь пешком, а машину оставляю возле твоего дома. Заберу завтра утром, заодно и позавтракаем вместе.

Глава 4

Теплый ветерок ласково трепал волосы, и Луиза Фернанда радовалась тому, что решила прогуляться. Недалеко от своего дома она присела на скамейку, уютно спрятавшуюся в зеленой листве окружающих ее кустов. На скамейку прыгнул большой серый кот. Луиза Фернанда вздрогнула от неожиданности.

– Толстый козел, – зло процедила она и сумочкой отодвинула кота в сторону. – Давай, вали туда, откуда пришел, блохастая скотина!

Кот с удивлением посмотрел на Луизу Фернанду, но даже не подумал прыгнуть на землю.

– Брысь отсюда! – Она показала ему кулак и огляделась в поисках предмета, который мог бы сойти за снаряд.

За кустами послышался шорох, и Луиза Фернанда беспокойно подняла голову вверх. На нее с улыбкой смотрела пожилая женщина.

– Ой, деточка, вы нашли моего Пино! – радостно выкрикнула толстая синьора и взяла кота на руки.

– Это ваш котик? – сладким голосом спросила Луиза Фернанда и, не задумываясь, добавила: – Он такой симпатичный.

– Как мило с вашей стороны. – Синьора прижала упирающегося Пино к своей необъятной груди. – Прогуливаетесь перед сном? – вежливо поинтересовалась она и, не дожидаясь ответа, обратилась к коту: – А ты решил присоединиться к молодой синьорине? Старые толстухи тебя больше не устраивают?

Она попрощалась с Луизой Фернандой и исчезла в кустах. Луиза Фернанда брезгливо отодвинулась от того места, где сидел наглый Пино, и, вынув салфетку из сумочки, протерла руки. Она с детства не любила котов. Еще в приюте, где их обитало великое множество, они с Максом частенько играли в сафари, используя вместо оружия трубки и вишневые косточки. Как ни бранили их монахини, как ни ругал Армандо, ничто не могло заставить исчезнуть азарт, появляющийся при виде толстой жертвы. Но вскоре коты, увидев неугомонную парочку, научились мастерски прятаться и демонстрировать такие чудеса скорости, что за ними невозможно было угнаться.

Луиза Фернанда улыбнулась, вспоминая это веселое время. В последние дни она много думала о своем детстве. Но если раньше оно казалось мрачным и безрадостным, то сейчас в памяти всплывало множество ярких и смешных эпизодов, что окрашивало жизнь в приюте в светлые тона.

Луизе Фернанде было около четырех, когда погибли ее родители. Кардинал Альбицци сказал, что они попали в автокатастрофу, и благодарил бога за то, что ее не было с ними в машине. Луиза Фернанда часто задавала себе вопросы, где же она была в момент их гибели и кто присматривал за ней. У нее не было бабушки и дедушки, которые после смерти родителей взяли бы осиротевшую внучку к себе, и она в сердцах ругала мать и отца за то, что оставили ее одну.

Все что осталось в памяти от первых лет, проведенных в приюте, – это ласковые руки монахинь, безутешные слезы в подушку и черная сутана Армандо. Луиза Фернанда любила забираться к нему на колени и обнимать за теплую шею. Тогда она не понимала, какой сан носит Армандо, и слово «кардинал» ничего не значило для маленькой девочки. Она упорно отказывалась называть его «ваше преосвященство», как это делали другие дети, и звала по имени, что вызывало смех и умиление у самого кардинала. Конечно же, отмечая подобные условности, Луиза Фернанда не раз попадала в неловкие и комичные ситуации. Иногда в присутствии великих служителей церкви у нее вырывалось нескромное «Армандо», и это застав-

ляло всех возмущенно переглядываться, а Луизу Фернанду краснеть якобы от смущения за столь явное проявление невоспитанности. После таких происшествий Армандо громко отчитывал ее у себя в кабинете, но Луиза Фернанда упорно продолжала звать его по имени.

В приюте шептались о причине особых отношений, возникших между кардиналом и маленькой девочкой. Та нежность, с которой Армандо относился к Луизе Фернанде, заставляла многих детей кипеть от ревности. И хотя нельзя было сказать, что он ведет себя с остальными менее чутко или проявляет меньше внимания, особая привязанность, которую он испытывал к Луизе Фернанде, доставляла ей много хлопот.

Дети, выросшие в приюте, абсолютно не похожи на остальных ребят, с детства воспитывающихся мамой и папой. Страстное желание иметь родителей является главным стержнем их маленькой жизни, оно преобладает над всем остальным. Не имея самого дорогого – любви близких, они пытаются привлечь внимание других взрослых. А над теми детьми, которым этого внимания достается больше, устраивают жестокие расправы. Поэтому Луизе Фернанде сильно доставалось за любовь кардинала.

Жизнь в приюте можно сравнить разве что с жизнью на другой планете. Ее нельзя узнать по чьим-то рассказам или прочесть о ней. Ее надо прожить лично. Дети, воспитывающиеся в приюте, суровые и безжалостные. Они отличаются беспощадностью к слабостям и проступкам, трудно заслужить их уважение и тем более почтительное отношение. Но они строги не только к другим людям, в первую очередь они жестоки по отношению к самим себе и себе подобным. Уважаемые монахини католического приюта Святой Девы Марии и подумать не могли, что их воспитанники превратили жизнь внутри стен в военную академию, где у каждого было свое место. Положение сирот в этом маленьком обществе зависело от личных заслуг и происхождения. В самом привилегированном положении находились те, родители которых умерли. Их появление в приюте было обусловлено страшной насмешкой судьбы, их не бросили, не продали, от них не отреклись. Их любили, просто жизнь сложилась таким образом, что они стали сиротами. В самом незавидном положении находились те, от кого просто отказались. Дети – жестокие создания. К тому же отличаются безмерным тщеславием, и даже в таком маленьком сообществе, где права всех уравнены, они нашли повод, чтобы как-то выделиться из общей массы. А самым жалким и досадным являлось то, что поводом для величия была выбрана роль, которую в их маленькой, но сложной жизни играли взрослые.

Луиза Фернанда достала из сумочки сигареты и закурила. В голове быстро проносились воспоминания, и ей стало грустно от своих мыслей. Она подумала о том, что не надо было грубить за ужином Эдуардо, ведь, несмотря на сложности их отношений, она все же любит его. Быстро набрав номер его телефона, она с замиранием сердца ждала, когда он ответит, чтобы сказать о своих чувствах. Но телефон молчал, и это заставило Луизу Фернанду загрустить еще больше. Зачем она так кипятилась сегодня? Друзья – единственная ее семья. Ну, еще, конечно же, Армандо и Маркус. Луиза Фернанда улыбнулась, решив, что ее семья не такая уж и маленькая.

«Жизнь многое забирает, но и не меньше дает. Вот, например, Глория. Она – подкидыш, ее бросили, не оставив в пеленках даже клочка бумажки с именем и фамилией. В приюте она должна была относиться к числу отверженных, но природа дала ей прекрасное лицо и мягкий нрав. Не было ни одного человека, не способного оценить эту красоту. И даже сами дети забывали об установленных правилах, глядя в яркие голубые глаза синьорины Кемп, – размышляла Луиза Фернанда, со злостью вспоминая о бессмысленных правах, ими же самими и придуманных. – Самое главное право, которое есть у человека, – это право на жизнь. И мы его получили».

До дружбы с Глорией Луиза Фернанда общалась только с мальчиками. Она не любила девичьи игры, предпочитая носиться с мальчишками по двору, драться с ними и проказничать. Да и мальчишки воспринимали ее не как девочку, а скорее как товарища, с которым можно было весело провести время, который легко шел на шаловливые проделки и никогда не ябед-

ничал монахиням. Бесчисленное количество порванных платьев в результате шумных и отнюдь не добрых игр, километры бинтов и литры йода, изведенные на содранные колени и локти, а также постоянные увещевания матушки настоятельницы, сопровождающиеся неизменными наказаниями, ярко говорили об ее огненном темпераменте. Монашки, наверное, часами молились в часовне, прося господу, чтобы он скорее избавил их от нее.

В тот день, когда Луизу Фернанду переселили в комнату Глории, она была крайне возбуждена и зла. Из-за приезда Армандо, который, как всегда, уделил ей много внимания, мальчишки устроили жестокую взбучку и навсегда исключили из числа своих друзей. С синяком под глазом и разбитым носом она села на кровать и приготовилась слушать гадости от своей новой соседки. Глория ошеломленно посмотрела на Луизу Фернанду и неожиданно улыбнулась.

– Ты похожа на сердитого воробья, – сказала она и, взяв девочку за руку, повела к умывальникам. – За что тебя так разукрасили?

– Армандо приезжал, – шмыгнула носом Луиза Фернанда.

– Понятно, – не удивилась Глория. – Надеюсь, ты их тоже поколотила?

– Еще бы! – последовал быстрый ответ, и девочки рассмеялись.

Крепкая дружба всегда начинается с простых вещей. Иногда достаточно простого слова или мягкого понимающего взгляда, чтобы вспыхнул огонь доверия, которое неизменно приводит к более глубоким чувствам. Глория оказалась первой и, пожалуй, единственной девушкой, которая сумела понять настоящую Луизу Фернанду. Будучи сдержанной и доброй, она никогда не обижалась на мелкие проступки и имела сильное влияние на Луизу Фернанду, которая постепенно из неуправляемого чертенка превращалась в уравновешенную и уверенную в себе девушку. И если раньше Луиза Фернанда все свое свободное время проводила с мальчишками, гоняя мяч по двору или лазая по деревьям, то, прожив с Глорией всего несколько месяцев, ей полюбились занятия, свойственные только девочкам.

В Глорию были влюблены почти все мальчишки из приюта, и Луиза Фернанда, прогуливаясь со своей новой подругой и видя их полные обожания взгляды, мечтала, что когда-нибудь точно так же будут смотреть и на нее. Но шло время, Глория становилась еще красивее, и во взглядах парней помимо восхищения появилось желание. А на Луизу Фернанду продолжали смотреть как на угловатого подростка, служащего фоном для прекрасной девушки. Она не обижалась, но порой чувствовала досаду, которую испытывает человек, вынужденный держаться в тени другого.

После окончания занятий Луиза Фернанда ждала Глорию на ступеньках школы, чтобы вместе идти домой. Глория была одноклассницей Макса и Эдуардо, к тому же они были ее лучшими друзьями, и появление Луизы Фернанды внесло некоторую сумятицу в их отношения. Поначалу мальчиков, особенно Эдуардо, возмущало то, что им приходится много времени проводить с «тощей мелюзгой», так они называли Луизу Фернанду. Им не нравилось, что она всегда вертится под ногами, задает много вопросов и не видит в них авторитетных лиц, заслуживающих безусловного доверия. Но Глория никогда не оставляла свою маленькую подругу одну, и мальчишки незаметно для себя привязались к ней. Ее непосредственность, не утратившаяся с годами, вызвала нежные, трогательные чувства. Кроме того, веселый нрав и озорной характер делали Луизу Фернанду необычайно привлекательной и естественно-милой.

Пылкое детское обожание, которое Луиза Фернанда испытывала к Эдуардо, вскоре переросло в первую влюбленность. Ей казалось, что никто не догадывается о ее чувствах. Высокий, красивый, с прямым тонким носом и черными искрящимися глазами, Эдуардо был предметом грез многих девочек. И Луиза Фернанда пополнила их ряды, красноречиво глядя в его смуглое лицо полными любви глазами. Этот дерзкий мальчишка, отличавшийся чрезмерными амбициями и обостренным самолюбием, был необычайно горд производимым на девчонок впечатлением. Он всегда был разным. Мягким и сладким, когда хотел чего-либо добиться от дру-

гих, непочтительным и оскорбительно-грубым, если его желания не исполнялись. Казалось, он больше, чем остальные дети, страдал из-за того, что остался сиротой. Эдуардо попал в приют в двенадцать лет и долго держался особняком. Родившись в обеспеченной семье и познав радости богатой жизни, он тяжело привыкал к скромным условиям. Долгое время он жил надеждами, что опекуны заберут его из этих ненавистных стен, но этим надеждам не суждено было осуществиться. Фирма отца, управляемая мошенниками и ловкачами, обанкротилась. Вместе с потерей завещанной компании исчезли сладкоречивые опекуны, оставив мальчика горестно переживать нынешнее положение и злиться от невозможности его изменить. Только спустя много лет Луиза Фернанда осознала причины, из-за которых Эдуардо стал таким неуступчивым, эгоистичным, самонадеянным и коварно-хитрым. Однако в детстве никто не понимал, как такой красивый мальчик может быть жестоким и злым. Но вопреки всему его любили, и это порой смягчало суровое мальчишеское сердце.

Эдуардо был зачинщиком всех драк в приюте, и не было такого случая, чтобы Луиза Фернанда не встала на его защиту. Он уже тогда знал о ее чувствах и откровенно веселился, принимая неловкие знаки внимания от смущенной девочки. Свою же любовь Эдуардо отдал Глории и мучился от ее безразличия, придумывая на пару с Максом неудачные способы завоевания недоступной синьорины.

Закрыв глаза, Луиза Фернанда вызвала образ Макса. Он не был похож на остальных мужчин, с которыми она была знакома. Сейчас ему было около тридцати, но выглядел он моложе, и порой его принимали за студента. Эдуардо, смеясь, называл Макса ботаником и зло шутил по поводу его непривлекательной внешности. Макс не обижался. Он был добрым, мягким и абсолютно незлобным. Порой он вообще не замечал нападок Эдуардо. В детстве Макс стеснялся своего маленького худого тела и длинного носа, сторонился девушек, думая, что они будут над ним издеваться так же, как и одноклассники. Но позже благодаря доброму нраву и великолепному чувству юмора он стал пользоваться гораздо большим вниманием представительниц противоположного пола, чем симпатичные, но увлеченные исключительно собой мужчины. Луиза Фернанда улыбнулась, вспомнив, как только Макса не называли в детстве. Он был и «очкариком», и «кочергой», и даже «сухарем», но все эти прозвища исчезали, когда дети ближе узнавали мечтательного и спокойного молодого человека.

Как же получилось, что все они стали ворами? Ведь у каждого были свои заветные мечты и стремления, и вряд ли в них они представляли себя теми, кем сейчас являлись.

Луиза Фернанда снова закурила и задумалась. Из всей компании больше всего к происходящему были склонны Эдуардо и она сама. Эдуардо еще с детства стремился к роскоши и легким деньгам, а Луиза Фернанда всегда шла за ним, любя и слепо доверяя. Но Глория и Макс? Чистые и добрые, они казались абсолютно непохожими на своих друзей. Или Николас уже тогда видел в них будущих воров?

Николас Рискони. Сколько эмоций вызывает лишь одно его имя. Впервые увидев его в кабинете у кардинала Альбици, Луиза Фернанда почему-то испугалась и вся сжалась под его пристально-изучающим взглядом. Холодное лицо Николаса показалось до боли знакомым, и она долгое время безуспешно гадала, где могла его видеть. После встречи у кардинала Николас стал часто навещать ее в приюте. Он всегда привозил много сладостей, игрушек. Все дети с радостью и предвкушением ждали его визитов. Луиза Фернанда познакомила Николаса со своими друзьями, и он часто брал их всех в Рим полакомиться мороженым или просто показаться по городу. Эдуардо восхищался им. Макс смеялся и говорил, что восторги друга связаны только с тем, что Николас имеет шикарную машину, за рулем которой разрешает изредка посидеть.

– Когда-нибудь, – надменно отвечал Эдуардо, – у меня тоже будет дорогая машина. Я буду таким же богатым, как Николас Рискони. И меня будут окружать самые красивые девушки, которые тебе, ботаник, даже и не снились.

– А я буду папой римским или кинозвездой! – смеялся в ответ Макс, поправляя съезжающие с длинного носа очки.

Луиза Фернанда отчаянно грустила, когда друзья, окончив школу, покинули приют и переселились жить в Милан. Однажды она решила сбежать к ним, но Армандо, узнав об этих намерениях, впервые со злостью отругал ее, заставив плакать от стыда и сожаления. Ребята не часто приезжали в гости, и иногда Луиза Фернанда страшилась, что они забыли о ней. Три года без них показались самыми длинными в ее жизни. Она стала раздражительной и нервной, часами сидела на стене ограды, выходящей в город, с надеждой вглядываясь в машины, проезжающие мимо. Но господь милостив, забирая одно, он всегда дает другое. Ее добрая, страдающая без дружеского внимания натура нашла себе привязанность в лице Маркуса. Он напоминал ей Макса, хотя и был на много лет моложе.

В год окончания школы Луиза Фернанда не задумывалась над тем, что делать дальше. Продолжать учебу она не собиралась, главной ее целью было вернуться к друзьям, которых она считала своей семьей. Луиза Фернанда долго помнила то ощущение счастья, которое она испытала, когда за ней приехал Эдуардо, чтобы забрать в Милан. Но дольше всего память хранила слезы на щеках Маркуса и странный испуганный взгляд провожающего ее кардинала. Тогда она отчаянно клялась плачущему мальчику, что никогда не оставит его, и нежно сжимала холодные руки Армандо, обещая, что он будет гордиться ею. И если первое обещание она выполнила, то слово, данное кардиналу, с позором для себя не сдержала.

В Милане Луиза Фернанда поселилась в квартире Глории. Несколько месяцев она бездельничала, живя на деньги, подаренные Николасом в честь окончания школы. Тогда она не спрашивала себя, почему Николас так щедр с ней, куда временами исчезают ее друзья и где они берут деньги на дорогую жизнь. Жизнь вне стен приюта казалась Луизе Фернанде яркой и безоблачной, где все дается с легкостью и в больших количествах. Она не была подготовлена к реальности и, с детства окруженная заботой монашек и любовью Армандо, не понимала суровых законов мира, в котором ей предстояло жить.

Узнав о том, что ее друзья – воры, а Николас – организатор их деятельности, Луиза Фернанда не испугалась. Это опасное и рискованное занятие казалось веселой авантюрой, где полностью раскрывалась ее страсть к приключениям и богатой жизни. Она без труда училась у Николаса всем тонкостям мастерства. Ей нравилось видеть удовлетворение в его глазах. Кроме того, страх, появляющийся в те минуты, когда они шли на дело, будоражил кровь. Опасность бодрила, щекотала ноздри и заставляла чувствовать себя в своей стихии.

Луиза Фернанда знала, что на Николаса работают не только они. Но кто именно находится у него в подчинении и какие заказы выполняют эти люди, ей не было известно, да и мало интересовало. Самым главным являлось то, что она могла позволить себе все, о чем мечтала в детстве. Но самым страстным было желание получить Эдуардо. Сколько бессонных ночей она провела в мыслях о нем и сколько страхов испытала, боясь, что Армандо узнает, чем она занимается. Шло время, Эдуардо продолжал относиться к ней, как к прыщавому подростку, отдавая всю свою любовь Глории. А Армандо, казалось, верил рассказам Луизы Фернанды о том, что она работает и одновременно учится. Потом Николас проявил себя совершенно с другой стороны, она увидела в нем жестокость, и страх, который она испытывала в детстве, глядя в его лицо, снова стал терзать ее. Несмотря на то, что его отношение к ней не изменилось и он оставался таким же ласковым и внимательным, иногда Луизе Фернанде виделась ненависть во взгляде золотых глаз, обращенных на нее. Николас дарил ей машины, драгоценности, и все терялись в догадках, почему он это делает.

- Старый пердун, видимо, влюбился перед смертью, – злобно усмехался Эдуардо.
- А ты думал, что меня никто не может любить?! – парировала Луиза Фернанда.
- Но не Николас же! – не унимался Эдуардо.
- И Николас тоже. Ревнуешь?

– Брезгую.

Эти разговоры выводили Луизу Фернанду из себя, а Глорию и Макса веселили, потому что в них проявлялся истинный характер Эдуардо. Когда Луиза Фернанда тихо по нему вздыхала, он не думал о ней. Но стоило девушке заинтересоваться кем-нибудь другим, тогда он замечал ее и дико ревновал. Луиза Фернанда крайне удивлялась его поведению, но не менее сильное впечатление производили непонятные и странные действия Николаса. Он не ухаживал, никогда не говорил об особом отношении к ней, лишь продолжал дарить подарки, ничего не требуя взамен. Иногда он даже не замечал ее, кричал не менее громко, чем на других, яростно заставлял заниматься спортом, чтобы всегда быть в хорошей физической форме, угрожал расправой, если она вздумает предать его, и щедро платил за проделанную работу.

Луиза Фернанда нахмурилась, вспоминая момент, когда весь ее пыл исчез, уступив место трезвому взгляду на риск, которому они себя подвергают. Это было провальное дело, во время которого ранили Эдуардо и Глория едва не попала. Ужас, пережитый в те минуты, надолго сохранился в ней, и шрам на плече любимого постоянно говорил о том, что все может повториться. Наверное, тогда она поняла, что время безрассудных лихачеств прошло и настал момент все изменить. Но, как известно, прошлое никогда не отпускает, и Луиза Фернанда, как никто другой, ощутила его полную и безоговорочную власть над собой. Нельзя уйти без оглядки вперед, не замечая на плечах тяжесть прожитых дней, отмечая ошибки в действиях и мыслях. Понимая невозможность убежать от того, чем она жила, Луиза Фернанда старалась, чтобы ее путь не повторил Маркус. Она оплачивала его учебу и жестко контролировала, ревностно оберегая искреннюю веру в ее честность и порядочность. Она боялась, что, узнав правду, Маркус отвернется от нее, и старалась поддерживать иллюзию благополучия и безупречности своего поведения. Точно так же она вела себя по отношению к Армандо, ибо знала, что разочарование и жалость в глазах кардинала будут самым большим поражением в ее жизни.

Луиза Фернанда улыбнулась, подумав об Эдуардо. Терзаемая безответной любовью, она начала заставлять себя избавляться от этого чувства. Луиза Фернанда безуспешно уговаривала себя одуматься и переключить внимание. Ничто не помогало. Конечно же, в ее жизни были мужчины, но ту страсть, которую она испытывала к Эдуардо, ничем нельзя было заменить. Однажды, после большого количества выпитого вина, она сказала ему, что с этой минуты прекращает его любить.

– Да что ты? – нагло поинтересовался Эдуардо, за что получил оглушительную пощечину.

В ту ночь они занимались любовью, и Луиза Фернанда поняла, что любит его так же сильно, как и в тот момент, когда впервые увидела. Но теперь он не имеет над ней той власти, что раньше. И чем отчетливее она показывала это, тем больше он загорался. Они держали свои отношения в тайне, потому что Николас всегда предупреждал о неприемлемости связей внутри группы. Никаких чувств, только работа.

Луиза Фернанда зажмурилась. В голове шумело то ли от выпитого вина, то ли от непонятной тревоги. На скамейку снова запрыгнул серый кот. Луиза Фернанда подскочила от неожиданности.

– Пино, сукин сын! – стукнула она его сумочкой. – Сбежал от своей толстухи? Раз так, то сиди здесь один, потому что я ухожу.

Луиза Фернанда набрала номер Эдуардо, но теперь он оказался недоступен. Она расстроено посмотрела на часы, гадая, что Эдуардо может делать в такое позднее время, и направилась к дому.

Глава 5

Луиза Фернанда вставила в замок ключ и нахмурилась, потому что дверь оказалась незапертой. Она вспомнила, что накануне дала ключ Эдуардо и тут же обрадованно улыбнулась. Наверняка он решил приготовить ей сюрприз своим появлением и поэтому оставил дверь открытой. С радостным настроением Луиза Фернанда вошла внутрь и, включив свет, в оцепенении остановилась.

Все вещи в гостиной были разбросаны, тяжелый диван перевернут, подушки разорваны и книги сброшены с полки. Луиза Фернанда, осторожно переступая через вещи, прошла в спальню. Там была такая же ситуация. Шкаф раскрыт и опустошен. Одежда и обувь бесформенной грудой лежали на полу, многочисленные игрушки были разбросаны по комнате. Взяв в руки большого медведя, вернее только его туловище, потому что голова была оторвана и валялась в углу, Луиза Фернанда села на край кровати и беспомощно огляделась. Внезапно она поняла, что, несмотря на беспорядок и видимое ограбление, ничего не было украдено.

Луиза Фернанда достала телефон и быстро набрала номер Эдуардо, умоляя, чтобы он ответил. Словно вняв ее просьбам, Эдуардо поднял трубку. Он молча выслушал ее сбивчивый рассказ и, не дожидаясь окончания, перебил:

– Немедленно уходи из квартиры.

– Может, мне позвонить в полицию?

– Фернанда, – он повысил голос, – ты не поняла, что я сказал? Сейчас же выметайся из своей квартиры!

– О боже, – чуть ли не плача проговорила она. – Эдуардо, это не были обычные воры! Уж я, как никто другой, знаю. У меня в квартире что-то искали, но я не могу понять, что именно. Ценного я ничего не держу.

– Луиза Фернанда!

– Но куда мне ехать? У меня и машины-то нет, я оставила ее возле дома Глории.

– Тогда иди к Глории, – уже спокойно произнес он. – Ждите нас с Максом.

– Может, я подожду тебя здесь? – робко спросила она.

– Нет, это слишком опасно.

– Не опаснее, чем идти одной по улице. Мне страшно!

– Любимая, послушай меня, – сказал Эдуардо, – тебе нужно уходить прямо сейчас. Не нужно меня ждать. На улице тебя никто не тронет, – убеждал он ее. – Ничего не бойся, но будь осторожна. Мы с Максом скоро приедем.

Луиза Фернанда быстро вышла из квартиры, заперла дверь и, оглядываясь по сторонам, побежала к дому Глории. Ее сердце так же громко стучало, как и кокающие о тротуар каблукы. Тогда Луиза Фернанда сняла босоножки и раздраженно впикнула их в сумочку. Предостережения Эдуардо больше напугали ее, чем увиденный в квартире хаос, и она нервно осматривалась по сторонам, боясь обнаружить за собой погоню. Луиза Фернанда не могла справиться со страхом, охватившим ее. Она быстро неслась к дому Глории, чувствуя, как покалывает пальцы от болезненного соприкосновения с теплыми плитами тротуара. Навалившись всем телом на дверь, она стала лихорадочно жать на кнопку звонка.

– Что с тобой? – спросила Глория, впустив Луизу Фернанду.

– Мою квартиру перерыли, как будто что-то искали, – выпалила Луиза Фернанда, в изнеможении упав на диван.

– Понятно, – не удивившись, произнесла Глория и направилась в спальню.

– Что тебе понятно?

Луиза Фернанда побежала за Глорией и недоуменно остановилась, увидев, что та начала доставать вещи из гардеробной и складывать их на кровать.

– Что ты делаешь?

– Собираю вещи! – раздраженно выкрикнула Глория. – Неужели не видно?

– Но почему? – Луиза Фернанда беспомощно развела руками. – Это ведь мою квартиру вскрыли. Что в этом может быть опасного для тебя? Глория! Может, ты обратишь на меня внимание? И вообще, я уже позвонила Эдуардо. Он сказал, чтобы мы не паниковали и дожидались их с Максом приезда.

– Твою мать! – выругалась Глория и в бешенстве посмотрела на Луизу Фернанду. – Зачем ты ему звонила?

– Что значит «зачем»? Почему я не должна была говорить Эдуардо о том, что случилось? И что, черт возьми, происходит?!

Глория, не ответив, повернулась к огромному зеркалу, задумчиво взглядела в свое отражение. Затем поднесла руку к лепным узорам, украшавшим стену, и нажала на один из завитков. К немому изумлению Луизы Фернанды, зеркало бесшумно отъехало в сторону, открыв за собой небольшую комнатку. Глория вошла внутрь и принялась что-то искать на полках. Через мгновение оттуда послышался ее голос:

– Где твой паспорт, кредитные карты и вообще все документы?

– Дома, где же еще. – Луиза Фернанда подошла к потайной комнате и с любопытством заглянула внутрь.

Комнатка была маленькой, всего лишь полтора метра на два. К боковым стенам были прикручены деревянные полки, на которых в идеальном порядке располагались коробки, два дорожных чемодана, кожаный саквояж и другие вещи. Под полками с левой стороны находился плотно придвинутый к стене металлический ящик. Глория подошла к сейфу, стоявшему в самом конце комнаты, и открыла его. Луиза Фернанда широко раскрыла глаза, потому что две полки его были полностью заполнены пачками с денежными купюрами.

– Глория, – прошептала она, – я ничего не понимаю...

Глория быстро вынимала деньги и складывала их в саквояж.

– Мы уезжаем, – уверенно сказала она. – Но нам придется заехать к тебе за документами.

– Уезжаем? Но куда?

– В аэропорт, дура!

– Глория, почему мы убегаем? Что тебя так напугало?

– Просто делай, что я говорю!

В резком, холодном голосе Глории было столько враждебности, что Луиза Фернанда со страхом отшатнулась. Она зацепилась ногой за ящик, упала и ударилась щекой о выступающий угол стены. Глория быстро нагнулась над ней и легко коснулась пальцами мгновенно покрасневшего места.

– Все в порядке? – ласково спросила она.

Луиза Фернанда с испугом отодвинулась. Еще минуту назад Глория была готова растерзать ее, а сейчас снова превратилась в мягкую и заботливую подругу. Почувствовав страх Луизы Фернанды, Глория прижала ее к себе и тихо прошептала:

– О, Луиза, девочка моя, прости. Нам надо уехать отсюда. Быстро, пока никто не приехал.

– Глория, объясни мне, я ничего не понимаю, – жалобно попросила Луиза Фернанда. – Что на самом деле происходит? Что вы от меня скрываете? И почему я не ничего не знаю? Мне очень хотелось бы...

Глория зажала Луизе Фернанде рот рукой, заставляя замолчать, и повернула голову в сторону двери. В гостиной послышались тихие шаги. Схватив Луизу Фернанду за руку, она с силой втолкнула ее в потайную комнату и быстро нажала на рычаг, закрывающий вход. Зеркало, бесшумно сдвинувшись с места, по тоненьким рельсам, и Луиза Фернанда со страхом наблюдала, как оно полностью закрыло дверной проем. «Глория хорошо защищает свои тайны», – со злостью подумала она. По давящей на уши тишине стало понятно, что ком-

ната звуконепроницаема. Кроме того, зеркало оказалось с секретом, оно позволяло видеть все, что происходит снаружи. Через него в комнату проникал свет, и это делало пребывание внутри не столь тягостным.

Глория подошла к зеркалу. Она поправила волосы и нежно улыбнулась, словно успокаивая подругу. На пороге спальни остановился высокий мужчина и мрачно оглядел комнату. Он невесело улыбнулся, увидев в беспорядке лежащие на кровати вещи. Луиза Фернанда прищурилась, вглядываясь в его привлекательное лицо. Она знала этого мужчину, и воспоминания о том, при каких обстоятельствах они познакомились, вызвали дрожь в коленях. Медленными шагами мужчина подошел к Глории и поцеловал ее, но она резко оттолкнула его, что-то сказав при этом. Стены комнаты не пропускали ни единого звука, но по выражению лица Глории Луиза Фернанда поняла, что та в гневе. Она нервно размахивала руками, и лицо ее было красным от напряжения.

Луиза Фернанда снова посмотрела на мужчину. Светлые, аккуратно уложенные волосы, чистая светящаяся кожа, тонкое, надменное лицо и пронизательно-умный взгляд. Луиза Фернанда перевела взгляд на дорогой костюм, туфли работы известного дизайнера и усмехнулась, оценив стоимость запонок в рукавах рубашки. Впрочем, здесь нечему было удивляться. Этот мужчина мог позволить себе куда более дорогие удовольствия. Луиза Фернанда видела, как недовольна Глория его приходом, но не оттого, что он напугал ее, а потому, что об их знакомстве узнала Луиза Фернанда. Она нахмурилась, догадавшись, что эти двое являются любовниками.

Сердце тревожно забилося, заставляя впервые почувствовать недоверие к подруге, слова которой всегда принимались за истину. Глория, которую Луиза Фернанда видела через зеркало, показалась ей незнакомкой. Она поняла, что совсем не знает эту женщину, и испытала боль оттого, что Глория не впустила ее в свою жизнь.

Мужчина в чем-то убеждал Глорию, но та лишь качала головой и старалась отстраниться от прикосновений, заставляя его бледнеть от ярости. Он подошел к кровати и указал на вещи, вопросительно глядя ей в глаза. Глория ответила. Мужчина, мгновенно вскинув руку в сторону, ударил ее по лицу. Луиза Фернанда стала осматривать стены в поисках кнопки, позволяющей открыть дверь. Она не собиралась спокойно смотреть на то, как бьют ее подругу. Обшарив стены, она стала раздвигать ящики, но кнопки нигде не было.

Упавшая на кровать Глория плакала, а мужчина, склонившись над ней, что-то говорил, нежно глядя ее рукой по волосам. Луиза Фернанда потянула на себя ящик, но не рассчитала его тяжести и поэтому не удержала. Ящик с грохотом упал, все содержимое его вывалилось на пол. От страха быть услышанной Луиза Фернанда зажмурилась, мысленно ругая себя за неловкость. Но ни Глория, ни мужчина даже не шелохнулись, и она облегченно вздохнула, теперь уже радуясь, что подруга догадалась сделать комнату звуконепроницаемой. Опустившись на колени, Луиза Фернанда начала складывать выпавшие вещи обратно в ящик, и тут ее внимание привлекла фотография, на которой Глория держала в объятиях годовалую девочку. Малышка была светловолосой и голубоглазой. Улыбка ее была такой же, как у Глории. Луиза Фернанда полезла в ящик в поисках других фото, но, к своему большому сожалению, ничего не нашла. Тогда она подвинулась ближе к свету, снова всмотрелась в лицо девочки и перевела взгляд на подругу и ее любовника. Эта малышка могла быть их общим ребенком, потому что была похожа на обоих. Луиза Фернанда вытерла влажный лоб. Она почувствовала, как внутри начинает закипать гнев. Сколько еще тайн хранила Глория? «Интересно, остальных она также умело водит за нос или только я ни о чем не знаю?» – Луиза Фернанда поднялась с пола и посмотрела в комнату, но в ней уже никого не было. Ей стало страшно от мысли, что мужчина силой увез Глорию и она останется сидеть в этом тайнике, не зная, как открыть зеркало. Подбежав к стеклу, Луиза Фернанда беспомощно стукнула по нему рукой. Но тут, к ее облегчению, в спальню вернулась Глория.

– Ничего не спрашивай, – предупредила она, когда зеркало открылось.

Луиза Фернанда с некоторым безразличием пожала плечами, но все же дерзко посмотрела на смущенную подругу.

– Не беспокойся, о твоём любовнике ничего спрашивать не буду. – Она бросила фотографию на кровать. – Единственное, что меня интересует, это имя твоей дочери.

Глория широко раскрыла глаза. Она прислонилась к стене и прикрыла рот руками.

– Ну что же ты молчишь? Не хочешь говорить? Конечно же, я ведь не заслуживаю того, чтобы мне говорили правду, – выпалила Луиза Фернанда и направилась к выходу.

– Ты куда?! – крикнула ей в спину Глория.

– Не твоё дело. Я просто ухожу, потому что мне наскучила ложь.

Глория подбежала и обняла Луизу Фернанду за плечи.

– Прости меня, – прошептала она. – Я многое скрывала, но не потому, что не доверяла. А потому, что старалась уберечь.

– Уберечь от чего?

– Послушай, – снова засуетилась Глория, – мы должны спешить. Я все расскажу тебе по дороге.

Луиза Фернанда села на кровать.

– Я никуда не поеду, – сквозь зубы процедила она, – пока ты не расскажешь мне, что происходит.

Луиза Фернанда решила, что если Глория сейчас же не прояснит ситуацию, то она найдет Макса и Эдуардо и вытрясет из них правду. Сама мысль, что лучшие друзья держат ее в неведении, бесила, потому что раньше у них не было секретов. Или они всегда были? А Луиза Фернанда по своей наивности и простодушию слепо доверяла, не замечая, что с ней всего лишь играют?

– Что этот мужчина делал у тебя дома? – начала допрос Луиза Фернанда. – Это же тот русский, в доме которого ранили Эдуардо.

Глория кивнула и присела рядом.

– Да, это тот самый русский, – кивнула она. – Олег Вороной.

– Почему он был так груб с тобой?

– Потому, что я отказалась уехать с ним.

– И поэтому он тебя ударил? – с насмешкой спросила Луиза Фернанда. – Передай ему, что он не умеет уговаривать женщин.

– Уговаривать не в его правилах, – обронила Глория.

– Что ты ему сказала? Ладно, можешь не отвечать. Лучше скажи, что это за девочка на фотографии.

– Наша с Олегом дочь. Ее зовут Паола.

Луиза Фернанда внимательно посмотрела на подругу, ожидая продолжения. Глория была бледна и выглядела утомленной. Было видно, что разговор причиняет ей страдания, но Луиза Фернанда не собиралась останавливаться. Ей было крайне важно знать, что еще Глория скрывает от нее.

– С Олегом мы встретились через год после того провального дела.

– Как именно?

Глория усмехнулась и вышла из комнаты, через минуту вернувшись с бутылкой виски и двумя бокалами.

– Николас нуждался в некоторой информации, – продолжила она. – И он просто подложил меня под Олега, чтобы я эту информацию достала.

– Николас заставил тебя спать с этим русским? – охнула Луиза Фернанда и недоверчиво посмотрела на Глорию.

Та громко рассмеялась, видя, что ей не верят.

– Ты многое не знаешь о нашем добром дяде Николасе, – сказала она.

– Николас был твоим любовником? – внезапно спросила Луиза Фернанда, догадываясь, каким будет ответ, и все же по-детски надеясь, что ошибается.

Глория кивнула и невесело улыбнулась.

– Когда я забеременела, то сказала Николасу, что это он отец ребенка. Я знала, что в случае, если ребенок будет от другого, он заставит меня избавиться от малыша. А потом я уехала на полгода, чтобы никто не догадался о моей беременности.

Луиза Фернанда сделала глоток прямо из бутылки и утвердительно кивнула.

– Я помню твой внезапный отъезд. Где девочка? Она с Николасом?

– Когда эта дрянь узнала, что я беременна, он взбесился и кричал: «Мне не нужен еще один ребенок!» Я думала, что он в ту же минуту отвезет меня к врачу, делать аборт. Но, слава богу, он разрешил мне уехать в Англию, чтобы там родить.

– У Николаса есть дети? – нервно засмеялась Луиза Фернанда. – Николас чей-то папаша?!

– Я так же смеялась. В общем, у меня была тяжелая беременность. Паола родилась недоношенной и очень слабой. Николасу сказали, что девочка умерла при родах. Не поверишь, но эта скотина была счастлива. После того как я вернулась, он ко мне охладел.

– А где малышка?

Глория на мгновение задумалась и тихо сказала:

– В Испании, в нашем с тобой любимом городе. Ты знаешь где. Паола живет там со своими нянями.

– А Вороной знает о девочке?

– Нет, это было бы слишком опасно для дочери. Никогда и никому не говори о ней! Поняла?! И вот еще, если со мной вдруг что-нибудь случится, обещай мне позаботиться о моей девочке.

Она схватила Луизу Фернанду за руки и умоляюще повторила:

– Обещай мне!

Луиза Фернанда кивнула вместо ответа и беспокойно заходила по комнате.

– Но что может с тобой случиться?

– Луиза, мы должны уезжать. Слишком много времени потеряно, сейчас сюда могут приехать Эдуардо и Макс.

– Почему ты их так боишься?

– Не доверяй никому, – со стоном произнесла Глория и стала складывать вещи в чемодан. – Сейчас мы рискнем и вернемся к тебе в квартиру, потому что нам необходимо забрать твои документы.

Глория прошла в потайную комнату и вытащила из-под нижней полки длинный ящик, оказавшийся наполненным оружием.

– Ничего себе арсенал, – присвистнула Луиза Фернанда и взяла один из пистолетов в руку. – Зачем тебе все это?

– Для непредвиденных ситуаций, – усмехнулась Глория и подала ей «беретту». – А теперь давай поторопимся. Боюсь, что вслед за твоей квартирой обыск устроят и у меня.

– Думаешь, это полиция? Или на нас кто-то вышел?

– Луиза, не притворяйся! – раздраженно выкрикнула Глория, но, посмотрев в бесхитростные глаза подруги, мгновенно смягчилась: – Ты что, действительно ни о чем не догадываешься?

– Нет.

– Не зря Эдуардо говорил, что ты – самая тупая из нас.

– Самая наивная – да, но не тупая! – вспыхнула Луиза Фернанда. – Самый тупой и злобный – это Эдуардо.

– Но ты же любишь его, – улыбнулась Глория.

– Ты знаешь о нас?

– Все знают.

– О боже! Кто это все? – воскликнула Луиза Фернанда, чувствуя, как предательски покраснели щеки.

– Я и Макс.

– И что еще рассказал этот идиот?

– Только то, что влюблен в тебя. Но не в этом дело. Сейчас мы не должны видаться с ними, потому что я сама не могу понять, кто с нами играет и почему. Вернее, я догадываюсь, но точно сказать не могу. Луиза, когда ты в последний раз видела кардинала Альбицци?

Луиза Фернанда обомлела от этого вопроса и часто заморгала.

– Понятно. Значит, это было недавно.

– А какое отношение ко всему происходящему имеет наша встреча с Армандо?

– Что подарил тебе Альбицци? – не ответив, задала новый вопрос Глория.

– Почему ты спросила о подарке Армандо? – нахмурилась Луиза Фернанда и сделала несколько глотков виски. – Это его искали в моей квартире? Что в нем такого особенного?

– Я не знаю, – Глория пожала плечами. – Но это необходимо выяснить.

– Армандо и тебе сделал подобный подарок или только я такая счастливица?

– Я думаю, что у каждого из нас есть его презенты.

– Что он тебе подарил?

– Он лежит в...

Не договорив, Глория вскочила и потянула за руку Луизу Фернанду.

– Я слышу шаги.

– Ты ошибаешься...

– Нет, – быстро перебила ее Глория. – Наверное, Олег вернулся. Спрячься!

Луиза Фернанда с бутылкой виски в руке тихо проскользнула в потайную комнату и прислонилась к боковой полке спиной. «Чертов русский», – подумала она, отхлебнула виски и закашлялась от слишком большого глотка. Затем подошла к сейфу и приоткрыла незапертую дверцу. Две верхние полки, на которых еще недавно лежали деньги, были пусты. На нижней стоял ларец, открыв который Луиза Фернанда увидела драгоценности. Возможно, среди них был подарок Армандо. Но, вспомнив, куда она сама спрятала кольцо, Луиза Фернанда улыбнулась и подумала, что Глория скорее всего нашла для своего подарка более неожиданное место. Мысль о колье заставила ее передернуть плечами. И почему она не догадалась взять его с собой перед тем, как прийти к Глории. А может, те люди уже нашли его? Луиза Фернанда сморщилась, недовольная, что забыла проверить, на месте ли оно.

Она повернулась к зеркалу, чтобы посмотреть, что происходит в комнате. Увиденное заставило ее сжаться от страха. Глория была прижата к стеклу, и какой-то человек в черной маске одной рукой крепко держал ее за шею, другой приставил пистолет к ее голове. Его губы быстро двигались в небольшом разрезе маски. Глория дотронулась рукой до серьги на правом ухе, и следом за этим движением на стекло брызнула кровь. Придерживаемая убийцей, Глория стала медленно оседать на пол. Кровь мелкими бороздками стекала вниз по гладкой поверхности зеркала.

Луиза Фернанда, вздрогнув, уронила бутылку на пол. Она попятилась назад и, упершись спиной в сейф, глухо застонала, но тут же зажала рот рукой. Человек в маске склонился над телом Глории и сорвал серьги. Луиза Фернанда дернулась и быстро закрыла уши мокрыми ладонками, потому что ей показалось, что комната пропустила в себя звук рвущейся плоти. Она тряслась в припадке отчаяния и страха, наблюдая за дальнейшими действиями убийцы. Тот положил серьги в боковой карман своей куртки и огляделся вокруг, остановив взгляд на зеркале, за которым находилась стонавшая от ужаса Луиза Фернанда. Спустя секунду убийца

круто повернулся и направился к двери. Девушка, упав на пол, подползла к зеркалу и, поглядев на мертвую Глорию, уже не стала сдерживать рыдания.

Луиза Фернанда долгое время сидела в оцепенении. Потом она вспомнила, что не знает, как открыть зеркало, и еще сильнее расплакалась. Потратив много времени на поиски злосчастной кнопки, открывающей зеркало, Луиза Фернанда почувствовала, как ее щеки начали лихорадочно гореть, а воздух в комнате стал тяжелым и теплым. Она облизала сухие губы, поняв, что времени до того, как станет нечем дышать, осталось совсем немного. Чтобы как-то успокоиться, она села на пол и закрыла глаза. Внезапно в голову пришла мысль, что кнопки вообще нет и зеркало можно открыть только с обратной стороны. Луиза Фернанда стала быстро хватать воздух, пытаясь прогнать страх. Взгляд упал на ящик с оружием. Открыв его, она достала пистолет, решив, что, как только кислород исчезнет, не станет мучиться от удушья и пустит пулю себе в лоб. Ручка пистолета была холодной, и она прислонила ее к виску, с блаженством ощущая холод металла.

«Если лечь на пол, будет легче дышать», – подумала она и прилегла, но тут же вскочила и просунула руку между ящиком и полкой. В стене был небольшой выступ, похожий на выключатель, и Луиза Фернанда, нажав на него, облегченно уткнулась лбом в пол, услышав тихий шум отъезжающего зеркала. Воздух мягкой прохладой вошел внутрь, заставляя делать жадные глубокие вдохи, от которых мгновенно закружилась голова. Нерешительными шагами она вышла из тайника и остановилась у тела Глории. Ее лицо было белым, но таким же прекрасным, как и раньше. Однако голубые глаза уже потеряли блеск и безжизненно смотрели вверх. Луиза Фернанда прикрыла их и, нагнувшись, поцеловала подругу в холодную щеку. В бессильной злобе она прислонилась к стене и вздрогнула, потому что зеркало снова закрыло собой потайную комнату.

Луизу Фернанду обуял дикий страх. Быстро вскочив, она выбежала из дома. В машине она в который раз набрала номер Эдуардо, но линия была занята, тогда она позвонила Макс.

– Где вы? – закричала она.

– Что значит где? – сонным голосом спросил Макс. – Я уже давно сплю. И тебе советую.

– Макс, – рыдала Луиза Фернанда в трубку, – но вы же должны были приехать! Эдуардо обещал... Глорию убили. Ее застрелили прямо у меня на глазах. И почему вы с Эдуардо не приехали? После того как ограбили мою квартиру, я позвонила Эдуардо. Он сказал, что заберет тебя, и вы скоро будете у Глории дома. Почему вы не приехали?!

– Но Эдуардо не появлялся у меня! – выкрикнул Макс. – Луиза, детка, слушай меня внимательно. Где ты сейчас находишься?

Луиза Фернанда огляделась по сторонам.

– Возле театра Фоссати, – всхлипнула она.

– Хорошо. Езжай по направлению к моему дому. Не торопись. Следи за дорогой. Ты меня слышишь, солнышко?

– Да, – жалобно протянула она.

– Фернанда, все будет хорошо.

– Мне звонить Эдуардо?

– Не отвлекайся от дороги, я сам ему позвоню. До встречи, красавица.

Луиза Фернанда положила телефон на соседнее сиденье и сбавила скорость. Через минуту она подумала, что едет вовсе не в сторону дома Макса, и развернулась. Но затем поняла, что ошиблась, и ее первоначальный путь был правильным. Остановив машину у тротуара, она уткнулась лбом в руль и расплакалась.

Недалеко от улицы, на которой жил Макс, Луизу Фернанду обогнала пожарная машина с включенной сиреной, и она горько вздохнула, подумав, что у кого-то в этот момент тоже горе. Вырулив на тихую улочку, она резко нажала на педаль тормоза. Две пожарные машины

пытались потушить огонь, пожиривший дом Макса. Вокруг толпились люди. Луиза Фернанда выскочила из машины и побежала к ним.

– Где Макс? – быстро выкрикнула она, глядя, как пожарные сбивают пеной огонь.

Женщина, живущая в соседнем доме, с сочувствием посмотрела на нее.

– Деточка, хозяин погиб. Сгорел.

Луиза Фернанда бросилась к дому.

– Синьорина! – стоящий рядом мужчина быстро схватил ее за плечи и притянул к себе.

– Он сказал, чтобы я ехала к нему, – едва слышно произнесла Луиза Фернанда. – Макс сказал, чтобы я не волновалась. Он не сгорел. Вы ошиблись, – тихо простонала она.

Сильные руки молодого мужчины нежно гладили ее по плечам. Она подняла голову и посмотрела ему в лицо.

– Он ведь не умер? – с надеждой спросила она. – Может, его в это время не было внутри? И горит только дом?

– Дорогая, тело хозяина увезли несколько минут назад в морг.

Луиза Фернанда затряслась от рыданий.

– Бедняжка, – шептались люди. – Это ее парень погиб в огне. Страшная смерть.

– Я пойду, мне пора, – сказала она и мягко отодвинулась от мужчины.

Повернувшись к дому, Луиза Фернанда некоторое время с дикой тоской смотрела на него, затем, резко развернувшись, побежала к машине. Она снова набрала номер Эдуардо и, выкрикивая ругательства, умоляла, чтобы он взял трубку.

– Фернанда? – послышался тихий голос.

– Их убили, Эдуардо! Макс и Глория мертвы!

– Фернанда, – задыхающимся голосом произнес Эдуардо, – уезжай из страны. Немедленно уезжай!

В трубке послышался непонятный треск, и следом раздались выстрелы. Как странно бывает в жизни, весь мир человека может разрушиться за несколько минут. Еще сегодня вечером они все были вместе, пили вино и шутили. Еще совсем недавно Эдуардо целовал ее. А сейчас, что происходит сейчас? Луиза Фернанда завела мотор.

– Мне показалось. Никто не стрелял, – дрожащим голосом твердила она.

Не помня себя от отчаяния, она подъехала к дому Эдуардо и побежала по аккуратной дорожке, края которой были усажены цветами. Их запах был настолько сильным, что сводил с ума.

– Эдуардо! – Она дернула за ручку входной двери и тут же отпрянула в сторону, увидев кровь на пальцах.

В страхе Луиза Фернанда попятилась назад и споткнулась о ноги человека, лежащего в кустах.

– О боже, – прошептала она, глядя на знакомую одежду. – Эдуардо...

Все закружилось в тумане, и Луиза Фернанда, шатаясь и не понимая, что делает, села за руль. Она ничего не видела вокруг, только гнала машину вперед. Солнце приветствовало ее, освещая дорогу, но Луиза Фернанда не замечала его красоты. Она летела к человеку, в объятиях которого мечтала найти успокоение.

Часть вторая

Глава 6

Рим

Едва открыв глаза, кардинал Маринетти понял, что день будет неудачным во всех отношениях. В нервном раздражении он облачился в одежды и долго не мог выйти из спальни, лишь стоял у окна, напряженно вглядываясь в сад. Утро было таким жарким, что даже легкий ветерок, колыхавший шелковые шторы, не приносил облегчения, только обдавал горячим воздухом.

– Господи, – бормотал он, глядя на распятие, – убереги...

Губы тихо шептали молитву, прося помощи у того, кому он служил. Яркое воображение, неподдельный страх и божественный экстаз, соединяясь вместе, творят необъяснимое, и сквозь пелену, накрывшую глаза, Маринетти казалось, что господь с порицанием глядит на него. Он с удвоенной силой просил милости, надеясь избавиться от укоров совести, сжигающих его изнутри.

На пороге спальни он остановился и еще раз посмотрел на распятие. Сейчас, как никогда, он был уверен, что предстоящий день принесет страдания, и со страхом для себя ощущал, что не знает, откуда их ждать.

Войдя в кабинет, Маринетти напрямик устремился к окнам и с шумом задвинул шторы. Комната погрузилась в полумрак, символически отгородив его от остального мира. Кардинал с облегчением вздохнул, почувствовав некоторое успокоение.

– Надо выпить, – объявил он себе и подошел к шкафу, в котором хранил алкогольные напитки.

Налив виски, Маринетти прищурился, оценивая, сможет ли такая порция снять душевное напряжение, и, усмехнувшись, подлил еще. Виски огнем разлилось по напряженному телу. Он в раздражении повернулся к двери, услышав, что она открывается.

– Ты? – произнес он, оглядывая вошедшего человека. – Что ты здесь делаешь?

Голос Маринетти эхом разошелся по комнате и быстро затих, уступая место пораженному молчанию. Он вдруг понял, в чем состоит истинная цель визита этого неожиданного гостя, и горько усмехнулся. Глухие выстрелы нарушили мучительно-неприятное безмолвие, и Маринетти тяжело отступил назад, сквозь туман в голове слыша, как со звоном падают на пол бутылки с напитками. Жадно хватая воздух губами, он собирал последние силы, чтобы посмотреть в горевшие золотым блеском глаза подошедшего к нему человека. Он видел, как медленно поднимается рука, держащая пистолет, к его голове, и с болью всматривался в мягкий абрис губ, растянутых в безразличной улыбке.

Глава 7

Черный «Ауди» на большой скорости свернул с автострады, выехав на дорогу, ведущую к заправке, и с аккуратной точностью остановился у колонки.

– Синьорина, – в окно машины постучали, – вам нужна помощь?

Луиза Фернанда посмотрела на высокого парнишку, замершего в ожидании.

– Нужно наполнить бак и протереть стекло.

– Конечно, – кивнул парень, но тут же выпалил: – Синьорина, у вас кровь!

– Где? – Луиза Фернанда посмотрела на мокрые ладони, на которых виднелись ржаво-красные пятна, и спрятала их за спиной. – Поранилась, – ответила она, стараясь унять дрожь в голосе.

Но взгляд парнишки был направлен вниз, на голые коленки. Луиза Фернанда посмотрела на свои ноги, и глаза ее от ужаса сделались больше. На загорелом бедре зияла запекшаяся глубокая рана, нога ниже ее была окрашена бордовыми и местами уже засохшими потеками крови. «Наверное, поранилась, когда упала, споткнувшись о ноги Эдуардо», – подумала она.

– Все в порядке.

Луиза Фернанда справилась с эмоциями и полезла в машину за аптечкой.

Сидя в кафе и вытирая бинтами кровь, она удивлялась тому, что не почувствовала, как такая большая рана появилась на ноге, и тому, что совершенно не ощущала боли.

– Кофе, – попросила она официантку.

Женщина кивнула и удалилась. Луиза Фернанда посмотрела в окно и зажмурилась от солнечных лучей. Она прикрыла лицо рукой и почувствовала, как глаза наполнились слезами. Сильное возбуждение, в котором она находилась последние часы, ушло, уступив место отчаянию и ужасу. Перед глазами стояло белое лицо Глории, заставляющее трепетать в новом припадке страха. Луиза Фернанда ни о чем не спрашивала себя. Вопросы о том, кто и за что мог убить ее друзей, не мучили ее в те минуты. Она лишь думала, что она больше никогда не увидит тех, кого любила. Мысль, что они навсегда ушли из ее жизни, заставила со стоном стиснуть зубы, не давая громким рыданиям вырваться из груди. Лишь предстоящая встреча с Армандо была единственным утешением, поддерживающим ее. До Рима осталось всего пятьдесят километров, и Луиза Фернанда устало вздохнула, понимая, что уже менее чем через час окажется в спасительной теплоте объятий кардинала.

Рим приветствовал звоном колоколов и шумом машин. Радостная атмосфера уже давно проснувшегося города нисколько не подходила тому внутреннему состоянию, в котором пребывала молодая женщина, быстро идущая по теплым плитам дорожки, ведущей к дворцу кардинала Альбици.

В машине Луиза Фернанда причесала волосы и отряхнула платье, чтобы не пугать своим видом монахов. Но все усилия прошли даром, потому что мужчины в темных сутанах удивленно смотрели на нее, провожая долгими изучающими взглядами. Тем не менее никто не сделал попытки подойти к женщине и узнать о цели ее визита. Луиза Фернанда быстро шла вперед, всем видом показывая, что прекрасно знает дорогу и ей не нужна помощь. Рана на ноге начала ныть, но девушка не хотела останавливаться. Она знала, что самое главное сейчас – увидеть Армандо, и даже острые приступы боли не могут заставить ее задержаться на мгновение в теплом саду и перевести дух.

– Луиза Фернанда. – Мягкая рука дотронулась до плеча, заставляя обернуться.

Луиза Фернанда посмотрела в обеспокоенное лицо отца Джорджо и быстро прижалась к его груди. Он медленно отстранился и внимательно ее оглядел.

– Что случилось?

Джорджио был настолько поражен странным видом всегда обольстительной и веселой Луизы Фернанды, что незаметно для себя перешел на «ты».

– Ты ранена?

– Мне нужно увидеть Армандо, – сбивчиво произнесла Луиза Фернанда и вздрогнула от шума упавшего рядом с ними тяжелого предмета.

Монах, уронивший железную лейку на каменные плиты, извинился и вежливо отошел в сторону, стараясь не мешать беседе. Отец Джорджио затылком чувствовал настороженные взгляды, направленные в их сторону. «Сегодня во время обедни будет много лишних разговоров», – с раздражением подумал он, и, обняв за плечи Луизу Фернанду, повел ее внутрь дворца.

– Почему ты так напугана? – ласково спросил он, понимая, что девушка сейчас толком ничего не скажет.

Шум падающей лейки привел ее в необъяснимое волнение, и Джорджио чувствовал, как она дрожит. Крепко прижимая Луизу Фернанду к своему боку, он понимал, что ведет себя недопустимым для священника образом, но, с другой стороны, ему доставляло удовольствие ощущать теплоту ее кожи.

– Мы пришли, – сказал он, остановившись перед кабинетом кардинала, и подтолкнул Луизу Фернанду к двери.

Она молча проскользнула внутрь, и Джорджио расстроился оттого, что она не сказала ему ни слова на прощание.

Луиза Фернанда остановилась у двери и полными слез глазами посмотрела на сидящего в кресле кардинала Альбицци.

– Армандо, – жалобно протянула она, но он не ответил ей.

Черные глаза с любовью смотрели на нее. Она подбежала к старику и уткнулась лицом ему в колени.

– Их всех убили, – стонала она, чувствуя, как сутана становится мокрой от слез. – О, Армандо, Глория сказала, что это все из-за твоих подарков.

Она почувствовала тяжесть руки на своем плече.

– Дитя, – хриплым голосом позвал Армандо.

Луиза Фернанда испуганно подняла голову вверх, и взгляд ее уперся в рваные раны на груди кардинала. Шелковая ткань вокруг них была мокрой, и от нее исходил терпкий запах крови. Бессознательно она провела рукой по его груди и посмотрела на пальцы, окрасившиеся в страшный бордовый цвет.

Лицо Армандо было неподвижным. Казалось, что все его силы ушли на последний зов. Широко раскрыв глаза, Армандо смотрел на что-то или кого-то позади нее, и этот взгляд наполнил Луизу Фернанду уверенностью, что за ней стоит убийца. Она медленно поднялась и вдруг поняла, что не испытывает страха. Страх ушел, но его место заняло неподвижное оцепенение. Луиза Фернанда смотрела на белые губы Армандо, думая о стоящем сзади человеке и о выстреле, который может раздаться в любое мгновение. Но в комнате стояла оглушающая тишина, лишь изредка нарушаемая судорожными вздохами все еще борющегося за жизнь Армандо. Луиза Фернанда с ужасом обернулась. Кроме них двоих, в кабинете никого не было. Тогда она мгновенно бросилась к двери и, выбежав в коридор, стала звать на помощь.

– Луиза, – выдавил Армандо из себя, – заberi...

– Что забрать? – Луиза Фернанда вытерла вспухшие от слез щеки.

Он смотрел на фото в серебряной рамке, стоящее на столе.

– Я заберу ее, – кивнула она и дотронулась до его руки, но он неожиданно сильно сжал ее пальцы.

– Не дай добраться до него, – просипел Армандо, хватая ртом воздух. – Нельзя, чтобы... моего мальчика... – Мутным от боли и отчаяния взглядом он смотрел ей в глаза, заставляя выполнить приказ.

– Какого мальчика? – непонимающе спросила Луиза Фернанда.

Он снова перевел взгляд на фото.

– Я вижу только нашу фотографию. О каком мальчике ты говоришь? – заплакала она.

– И сама... – Альбицци замолчал.

Луиза Фернанда упала на колени перед кардиналом, который все еще смотрел на нее, но уже потухшим, ничего не выражающим взглядом. Осторожно, будто боясь потревожить смерть, вошедшую в эту комнату, она дотронулась щекой до его коленей, шепотом произнося бессвязные молитвы.

Дверь кабинета открылась, и на пороге в немом изумлении замер отец Джорджио. Быстро подбежав к кардиналу, он проверил пульс на его шее и снова выбежал в коридор, на ходу отдавая распоряжения. Луиза Фернанда не обращала внимание на снующих вокруг людей, она лишь вяло качнулась, когда чьи-то руки подняли ее с пола, и сморщилась, почувствовав запах нашатыря.

– Луиза Фернанда, – высоким от напряжения голосом спросил Джорджио, – кто стрелял в кардинала?

– Я не знаю, – проговорила она и опустила глаза.

Комната кружилась перед глазами. Она нетвердыми шагами подошла к столу, взяла серебряную рамку и медленно вышла в коридор. В торопливой суете никто не заметил ее исчезновения, лишь спустя некоторое время обнаружили пропажу главного свидетеля или виновника и в ужасе бегали по дворцу, ища незаметно ушедшую женщину. Луиза Фернанда, шатаясь, дошла до своей машины, аккуратно положила рамку на сиденье и села за руль. Она не собиралась уезжать, как, впрочем, и оставаться. Лишь сидела в нагретой под жарким солнцем машине, не понимая, как следует поступить дальше.

– Слава богу, Луиза Фернанда, я вас нашел, – торопливо проговорил подбежавший к ней отец Джорджио. – Идемте, дорогая, с вами должны провести беседу полицейские.

* * *

Комиссар Мандзони был вежлив и учтив, но в его низком и тягучем голосе чувствовалось раздражение. Было чудовищно жарко. В комнате безостановочно работал вентилятор, обдувая горячим воздухом и разбрасывая волосы Луизы Фернанды. Каждый раз она безропотно поправляла светлые пряди и смотрела в пол, тихо отвечая на вопросы пытающегося ее запутать Мандзони. Час назад ей сделали соскоб с поверхности рук на наличие пороха на коже и сняли отпечатки пальцев.

– И все же я не понимаю, почему вы в такой спешке приехали в Рим? Неужели, ради одной встречи с кардиналом Альбицци?

– Да, я хотела увидеться с Армандо, – Луиза Фернанда холодно посмотрела в блестящие недоверием глаза комиссара.

– Армандо? Как мило. – Толстая фигура проплыла возле стола и замерла в полуметре от Луизы Фернанды. – Вы были настолько близки с кардиналом, что имели честь звать его по имени?

До этого мягкий голос вдруг стал ехидным, а круглые глаза быстро превратились в язвительные щелочки.

– А что вас смущает? – таким же насмешливым тоном спросила Луиза Фернанда.

Комиссар удивленно приподнял левую бровь и пристально взгляделся в лицо сидящей перед ним женщины, которая, несмотря на усталость и испытанное потрясение, пыталась сохранять спокойствие. Он был уверен, что кардинала убила не она. Еще до того как он вошел в комнату для допросов, ему уже были известны результаты анализов. Следов пороха на ее руках не было, да и отпечатки пальцев ни о чем не говорили. Синьорина Альворадо никогда не

привлекалась к ответственности и, как говорилось в отчете, вела ничем не привлекательный для полиции образ жизни.

– Значит, мне стоит верить, что с кардиналом Альбицци вас связывала только дружба?

– Комиссар, – Луиза Фернанда поправила падающие на лицо волосы, – вы сомневаетесь во мне или в Армандо Альбицци?

– Кто-нибудь, выключите этот чертов вентилятор! – загремел Мандзони.

– Но мы же задохнемся от жары, – недовольно пробурчал один из полицейских с мокрыми подмышками, но вентилятор все же выключил.

– Направь прошение премьер-министру с просьбой установить здесь кондиционер, – Мандзони осадил гневным взглядом ворчащего полицейского и снова повернулся к Луизе Фернанде: – Отец Джорджо сказал, что вы были взволнованы в момент приезда. Причина?

– У меня проблемы в личной жизни.

– И всякий раз, когда у вас случаются неприятности, вы ищете встреч с кардиналом Альбицци? – Мандзони запустил руку в густую шевелюру и яростно почесал затылок.

– Да.

– Почему?

– Потому что Армандо был моим наставником и лучшим другом. Я не нахожу ничего странного в том, чтобы просить помощи у друзей.

– Особенно если их при этом убивают.

Луиза Фернанда потеряла влажные ладошки.

– Я не убивала кардинала Альбицци.

– Тогда почему вы пытались скрыться с места преступления?

– Я была поражена случившимся, но не пыталась сбежать. – Она спокойно смотрела на комиссара и думала только о том, чтобы этот изматывающий разговор скорее закончился.

Луиза Фернанда ничего не сказала о том, что произошло в Милане, но предполагала, что трупы Глории и Эдуардо уже обнаружили. Кроме того, в их квартирах повсюду найдут отпечатки ее пальцев. Успокаивало лишь то, что до того момента, когда полицейские выйдут на нее, времени предостаточно, чтобы уехать из страны. Мысли быстро проносились в голове, и Луиза Фернанда лихорадочно искала возможности выпутаться из сложившейся ситуации. Но ее лицо оставалось спокойным, оно говорило о безмерной усталости и непритворной скорби.

– Можете быть свободной, – произнес Мандзони.

– Я могу уехать в Милан?

– Да. Но вам не разрешается выезжать из страны до окончания следствия.

Луиза Фернанда направилась к двери.

– Откуда у вас рана на ноге? – вдруг спросил он.

– Неудачно упала.

* * *

Луиза Фернанда отчаянно гнала машину по автостраде. Вначале ей хотелось плакать, но она поняла, что не может выдавить из себя и слезинки. Она горевала по друзьям и Армандо и в то же время была полна злости на последнего, считая его виновником всех смертей. Все мысли сводились только к одному: злополучным подаркам. Луиза Фернанда не могла понять, что стоит за этими безделушками и почему они представляют такую ценность для убийцы или убийц. Не давали покоя и последние слова Армандо с просьбой защитить какого-то мальчика. «Что бы ни произошло, – внезапно решила она, – следующей жертвой буду я. Ведь меня не убили только потому, что не смогли найти. Если бы в момент обыска я оказалась дома, то давно лежала бы у себя в квартире с пулей в голове».

Страх снова прокрался в душу. Она с ужасом представила, что ей придется вернуться домой, чтобы забрать документы, кредитные карты и чековые книжки. Если повезет и в квартире ее никто не будет встречать, она завтра же снимет деньги со счетов и покинет Италию.

Глава 8

Кастель Гандольфо

Стеклянные двери небольшого кабинета были настежь распахнуты, и с широкой террасы сладко веяло ароматом цветущего шиповника. Уходящее за горизонт солнце уже почти отдало землю в объятия тихого вечера, принесшего с собой успокоительную прохладу и покой. В высоком кресле, спрятанном в тени дикой розы, сидел понтифик и задумчиво глядел поверх ярких кустов шиповника, аккуратно посаженных по всему периметру террасы. Плед, прикрывающий худые ноги, съехал на пол, и вошедший на балкон высокий священник любовно поправил его.

– Спасибо, Карло, – поблагодарил понтифик.

– Ваше святейшество, отец Массимо и отец Бруно ожидают встречи с вами.

– Пригласите их в мой кабинет.

Понтифик убрал плед в сторону и, поддерживаемый рукой отца Карло, поднялся с места. Медленно передвигаясь, они перешли в кабинет, где отец Карло осторожно усадил понтифика в мягкое кресло и вернулся на террасу за пледом. Опустившись на колени, он быстро прикрыл им ноги папы и заботливо посмотрел в усталые глаза.

– Святой отец, вы бледны. Как вы себя чувствуете? – Карло дотронулся до руки понтифика и поразился ее холодности.

– Душа полна горечи утраты, – отозвался папа. – Вы уже подготовились к возвращению в Ватикан?

– К отъезду все готово. – Отец Карло утвердительно кивнул. – Вам необходимо отдохнуть, сегодня был невероятно тяжелый и трагичный день.

Понтифик протянул руку взволнованному отцу Карло, и тот легонько сжал ее.

– Неожиданное горе оглушает намного сильнее, чем ожидаемое несчастье, – едва слышно проговорил понтифик и тяжело посмотрел в сторону сада.

О чудовищных убийствах кардиналов с невероятной быстротой стало известно средствам массовой информации, и теперь по всем телевизионным каналам выходили экстренные выпуски новостей, а газеты готовились к массированному обстрелу Ватикана. Страшное известие настигло папу в летней резиденции, вокруг которой уже несколько часов дежурили журналисты, и Карло представил себе, каким напряженным будет завтрашний выезд в Рим. Никто не сомневался в непогрешимости понтифика, но смерть двух высочайший сановников соберет немало ложных слухов и, конечно же, придется по вкусу и телевизионщикам, и газетчикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.